

ЕВГЕНИЙ МЕНЬШЕНИН

**ПЕРЕДВИЖНАЯ
ДЕТСКАЯ
КОМНАТА**

Евгений Меншенин

Передвижная детская комната

«Издательские решения»

Меньшенин Е.

Передвижная детская комната / Е. Меньшенин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968299-4

Здесь обитает страх. Здесь говорящий с мертвыми управляет такси, а вынужденная остановка на пустынной дороге перевернет вашу жизнь. В доме с решетками на окнах поджидает нечто. И это нечто голодное! Здесь уборщица знает все ваши тайны, и она не упустит шанса ими воспользоваться. И даже Добрый Дом может превратить вашу жизнь в кошмар! Читайте «Передвижная детская комната» и не забудьте завернуться в одеяло. Оно согреет вас, когда холодный ужас проникнет в душу. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-968299-4

© Меньшенин Е.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Передвижная детская комната	8
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Передвижная детская комната

Евгений Меньшенин

Дизайнер обложки Дарья Тумурук

Иллюстратор Дарья Тумурук

Фотограф Виктория Селянина

© Евгений Меньшенин, 2020

© Дарья Тумурук, дизайн обложки, 2020

© Дарья Тумурук, иллюстрации, 2020

© Виктория Селянина, фотографии, 2020

ISBN 978-5-4496-8299-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящаю дочери Софии.

Надеюсь, ты не будешь это читать до восемнадцати лет.

А лучше до тридцати.

Спасибо тебе за улыбку. Она пробуждает во мне светлые стороны.

Предисловие

#жанр #ужасы #детство #пишу

Перед вами переиздание сборника «Передвижная детская комната». Сначала книга была опубликована без предисловия. Признаюсь, тогда я торопился с выпуском. Это же такое дело, первая книга! Хотелось быстрее ее потрогать, поставить на полку рядом с мастерами жанра ужасов, такими как Кинг, Лавкрафт, Симмонс, и полюбоваться на нее. Когда книга вышла, эмоции поутихли, взгляд стал более холодным. Мне показалось, что чего-то в «Детской комнате» не хватает. Наверняка, так думал Виктор Франкенштейн про сшитого из человеческих кусков монстра.

Сборник состоит из рассказов, как человек состоит из рук, ног, тела и головы. Рассказы являются вымыслом, они – буквы на белом фоне. Как оживить книгу в руках читателя? Как почувствовать эту тонкую связь тела книги с душой автора?

Уверен, тут нужно обратиться к истории самой книги.

Вы ведь не будете доверять незнакомцу, который вдруг расскажет вам несколько захватывающих баек. Да, может быть рассказ будет интересен, но не сам рассказчик. Вот так просто он не станет вашим другом. Но он станет вам ближе, когда вы узнаете его получше, узнаете, кто он, откуда взялся, кто его родители. Именно это я и хочу сделать – познакомить вас с книгой, чтобы она стала вашим другом, и чтобы вы вместе провели несколько незабываемых часов.

А история книги начинается с истории автора.

Меня иногда спрашивают, почему я пишу ужасы, ведь их никто не читает, не лучше ли написать что-то более востребованное?

Я не выбираю, что писать. Я не придумываю сюжеты, я просто записываю то, что показывает подсознание, сохраняю образы, которые иногда встают перед внутренним взором. Хотя, возможно, это инопланетный разум транслирует мысли в мой мозг. Писатели, которые работают не по плану, а по наитию, как проводники. Они и сами не знают, что напишут в следующий момент и как сложится сюжет. Стивен Кинг на вопрос о том, почему он пишет ужасы, ответил: «Почему вы думаете, что у меня есть выбор?»

Когда мне было лет семь, ко мне в гости пришел друг Рома Мясников.

– Я тут взял почитать кое-что, – сказал он и показал мне книгу, где под одной обложкой уместились Ганнибал Лектер и Фредди Крюгер, прямо как на пиратских vhs по два фильма. В те годы я уже плотно сидел на ужасах, поэтому при виде книги я почувствовал дрожь в руках. Меня скрутила ломка. Я еще читать толком не умел, но уже захотел прочесть эту книгу. Первым делом я взялся за «Кошмар на улице вязов». После сцены с Гленом, где его размолот огромный вентилятор под кроватью, я закрыл книгу и долго не мог прийти в себя. Из головы не выходила мысль, что жизнь может оборваться так внезапно. Глядя на взрослых, я видел возможности: делай все, что хочешь, покупай конфеты, ешь мороженое без меры, не спи допоздна, гуляй хоть дни напролет. Меня будоражила мысль о том, что когда-то это время наступит. И тут – бам! Тебя разрубает на куски какая-то дико смеющаяся тварь с ножами на пальцах.

Книгу я так и не дочитал, не смог преодолеть впечатления от ужасной сцены.

Мой брат Игорь писал фанфики к Терминатору, когда мы еще оба в школу не ходили. Мамина сестра Оля отпечатала его рукопись на пишущей машинке и сшила. Так у моего брата появилась собственная книга. Это меня вдохновило. Игорь был для меня не то чтобы примером для подражания (иногда выходками он сводил маму с ума), но я уважал его интеллект, он был самым умным в семье, побеждал в шахматы взрослых, умел программировать на basic в восемь лет, писал игры для spectrum, имел тягу к исследованиям электричества и огня. Я же ничем

таким похвастать не мог. Я умел только смотреть «Байки из склепа» по ночам и при этом не сбегать из комнаты в ужасе (Игорь понял, о чем я).

В шестом классе Татьяна Ивановна Марьянских, учительница по русскому, задала написать концовку к рассказу из учебника. Когда я сделал домашку, то почувствовал какую-то силу, что рвалась наружу. Будто во мне был заключен целый мир, и он не мог больше прятаться внутри, ему было тесно, и я немного приоткрыл для него двери.

Я написал несколько рассказов с монстрами и мертвецами, которые грызли и убивали людей. Стал записывать сны и превращать их в рассказы. Постепенно у меня сформировался сборник страшных историй.

Иногда я ныряю с головой в какое-нибудь новое увлечение, бросая все остальное. Я был баскетболистом, рок-музыкантом, математиком, спортсменом. При такой качке сложно достигнуть каких-то существенных результатов в чем-то одном. У тебя вроде бы уже начинает складываться карьера в одной отрасли, и тут ты кидаешься в другую и начинаешь все заново. В какой-то момент шторм успокоился, и я выбрал для себя род занятий. Сейчас работаю в сфере IT, катаюсь на сноуборде и много пишу.

У меня был довольно долгий перерыв в писательстве, примерно с 1998 по 2015, и я счастлив снова вернуться к литературе.

Жизненный путь может быть долгим и трудным, и если мы идем путем, который нам не интересен, то заходим все глубже и глубже в трясину и в какой-то момент можем в ней утонуть. Я долгое время шел вслепую: работал, потому что «надо», брал кредиты, погряз в долгах, развелся, разбил машину, другую машину угнали, я остался почти без друзей, закрылся от мира, отстранился от всех, обрезал связи, сжег мосты. В какой-то момент я ощутил себя мертвым. Жизнь не радовала. Ничто не радовало. Но потом как будто кто-то постучался мне в голову и спросил: «ты ничего не забыл?»

Тогда я сделал для дочери Софии комиксы про Соника. Написал сценарий, накачал картинок из интернета, подходящих к сюжету, сверстал и распечатал комикс на цветном принтере. Получилась трилогия с интригами, предательством, дружбой, временным парадоксом и, конечно же, монстрами. В процессе работы я вдруг захотел написать еще что-нибудь, сел за ноут и попробовал. Тогда я понял, что нашел очень ценную вещь, которую потерял много лет назад.

Я снова начал писать и до сих пор не могу остановиться...

Меньшенин Евгений, 25.03.2020

Передвижная детская комната

Fare, fare, krigsmand!

Døden skal du lide!

Den standhaftige tinsoldat

H. C. Andersen

Коля Буйнов по прозвищу Буй своими жирными, но проворными пальцами запустил окурок в свободный полет. Вслед за бычком отправился плевок, который выпал муравьиным дождем над полями, простирающимся вдоль дороги где-то между Тюменью и Екатеринбургом. Коля посмотрел на часы в десятый раз за последние две минуты. Еще немного, и он будет на месте. Не успел дым окурка выветриться из кабины грузовика, как водитель закурил новую.

Грузовик несся по пустому участку дороги.

Тут никогда не появлялись копы. Да и других машин здесь почти не было.

Мысли вертелись вокруг Натахи. Да, она баба крутая. Но последний раз она сообщила ему не очень приятные новости, пока он надевал свои заштопанные трусы. И причем сообщила так спокойно, будто читала инструкцию к пароварке.

Новость выбила его из колеи: Натаха залетела. И он почему-то подозревал, что вовсе не от него.

До этого момента он был у нее месяца два назад. И тогда она ничего ему не говорила. А тут бах – и уже беременна. И живота не видно.

Неужели за два месяца не вырос бы живот?

Хотя у Натахи хрен поймешь, живот от беременности или от жареной картошки. Тем не менее новость его огорошила, и он постоянно думал о том, неужели и правда снаряд из его пушки достиг цели.

Она ему вроде бы нравилась, и сиськи большие, и жопа огромная. Жопа особенно радовала его. Да и во время беременности сиськи еще больше будут. Но что ему до всех этих жоп и сисек, когда денег в кармане порой на сигареты и на пиво не хватало? Ведь не может же он содержать две семьи! Да еще и этот мелкий короед, Володька, вечно в школе попадался на всякой ерунде: то кому-нибудь глаз подобьет, то окно выбьет, то дверь вышибет, то пожар устроит.

Не сын, а черт какой-то.

Хотя Коля и сам подарком не был, его в свое время даже исключить из школы пытались.

Но он об этом сыну не говорил. Так с чего вдруг Володька тоже стал вести себя как побитая шавка? Кидался на всех, огрызался, кусался.

Да ладно, хрен с ним, вырастет еще, в армию сходит, и все пройдет. А сейчас есть вопросы поважнее.

Например, бабосы.

Везде нужны бабосы.

Володька в школе устроил погром – давайте деньги, Сашка собралась идти на кружок гимнастики – покупайте костюм и прочую фигню. А жена? Новую шубу, новый телик, туфли, картину, микроволновку.

Черт бы их всех побрал.

И где он должен брать деньги? Высирать? Или, может быть, они думают, что у него в подвале стоит печатная машинка? Хоп, спустился в подвал, напечатал миллиард, вышел и бросил в лицо всем этим короедам и спиногрызам. Нате, заберите, подавитесь.

Он бы так и сделал. Если бы мог.

Но в подвале у него стоял только ржавый велик и банки с засоленными огурцами, которые, скорее всего, уже превратились в рассадники новой жизни, огуречной жизни. А недавно оказалось, что у сына развивается какая-то глазная болезнь и теперь нужны деньги на операцию.

– Сколько стоит операция? – спросил Коля у врача.

– Разве деньги – это главное в такой ситуации? – ответил тот вопросом на вопрос.

Коля хотел ударить доктора в нос, но подумал, что вряд ли у него изо рта повалятся монеты, даже если глаза встанут на место – эдакий джекпот. Но нет, капусту придется рубить в другом месте. А если вдарить доктору, то он еще и в суд подаст. Как на его друга Пазла, которого так прозвали за его способность разваливаться на ходу, что приходилось его собирать как мозаику. Пазл выбил врачу два зуба и сломал нос, когда тот сообщил ему новость по поводу его гнилой пиписьки. Да, Пазлу дерганости не занимать. Долбаный нервный идиот.

Нет, с этими всеми растратами четверых детей Коля не потянет. Четверых? Ах, черт, он снова посчитал младшенькую. Нет, конечно, троих. Неважно. Надо как-то мазаться от жирной Натахи.

Коля сплюнул в окно. Струйка слюны повисла у него на подбородке, и он вытер ее большой волосатой ладонью.

Да, деньги все-таки пригодятся. Благо была у него одна подработка. И если все пройдет нормально, то у него появится пара косарей. Но Коле хотелось бы и себе что-нибудь оставить от барышей. Поэтому сто детей были не в тему.

А что насчет подработки, то она не была вечная.

Да и связываться с Ткачом ему последнее время уже не особо хотелось. Этот чертов проныра Ткач везде найдет золотую дырку, хоть у черта из задницы достанет пару монет. Вот бы и Коле такую способность. Пока Ткач обделывает эти дела, Коля остается чист, как младенческий хер. Никто никогда не обвинит Колю в мутных делах. Даже если его остановят дэпээсники и попросят показать, что в прицепе.

Да тут только хлам после разбора старой развалюхи. Пожалуйста, смотрите сколько влезет, – скажет он, – ковыряйтесь в мусоре сколько хотите!

Они ведь в самом деле не будут этого делать. А если спросят – *почему ты везешь строительный хлам по каким-то чигирям? Да еще и так далеко от разборки? У вас там в городе нет свалок, что ли?* Он ответит – *почем мне знать? Я всего лишь водила. Начальник говорит мне — вези мусор туда, сдавай в утиль, бери расписку, вези бумажку обратно, иначе голова с плеч, и не вздумай что-нибудь прикарманить, в той фирме работает мой друг. Стало быть, вот и причина, по которой хлам отвозится именно туда.*

Ясно, скажут дэпээсники, но все равно заглянут в кузов для профформы. Что бы это ни значило, мать ее за ногу, эту гребаную профформу.

Ловко придумал этот Ткач свою доставку почты.

Да, Коля знал про его почту, ведь не зря же он получал такие деньги. Он не знал, что конкретно перевозилось в том контейнере, скрытом под горой строительного мусора, но определенно что-то такое, что не должно попадаться на глаза ментам, иначе это бы ездило с обычной почтой, а не в грузовике со строительным хламом.

Однажды Коля даже хотел спросить у Ткача, но решил не заострять внимание на том, что он в курсе про дела с перевозкой. Меньше знаешь, легче спишь. Легче спишь, громче пердишь. В конце концов, он же чист. Он не знает ни что внутри контейнера, ни откуда тот взялся. Коля не грузчик, он просто крутит баранку. А если найдут контейнер, то Коля скажет – *все вопросы к начальнику, я даже не в курсе, мои руки чисты, я ниче не грузил, видите, только мозоли от дрочки и от турника. А, не, это не от турника, я на нем не занимался с армейки.*

Коля усмехнулся.

Но все равно дорог, где есть дэпээсники, надо бояться как огня. Меньше проблем. А от таких подпольных рейсов денежек у него прибавляется, и можно покупать аборт, хлеб и сигареты. На свою семью он найдет бабло, но тратить еще и на Натаху? Ну уж нет. Хватит с него. Коля твердо решил сегодня заехать к Натахе, ведь она как раз жила там, куда он направлялся. Приедет, пошлет ее, даст денег на аборт. Или не даст? Как настроение будет. В общем, расстанется с этой овцой.

И тут ему пришла в голову ужасная мысль. А если она обидится? Возьмет и позвонит его жене. Скажет – *алло, это тупая овца, Колькина жена? Да, это Натаха, я трахаю твоего мужика, причем без резинки, и теперь он накачал в меня так много спермы, что аж живот раздулся.*

Вот сука, пусть только попробует. Я тогда ее... Ее...

Но что? Что он сделает? Побьет ее?

А может, и так. Побьет, выбьет из нее всю дурь, всех детей. Может, и выйдет из этого толк. Будет выкидыш, и проблемой меньше. А если жена уйдет от него? Разве он расстроится? Вообще-то да. Немного, но расстроится.

– Две говнючки, – сказал он со злостью, – все беды от баб.

Он зарядил новый снаряд и бросил окурочек в окно. Но ветром его задуло в кабину.

– Черт! – закричал Коля. – Не хватало еще сгореть к едреной матери!

Он начал искать под сиденьем свой дымящийся снаряд. Но тот убежал от Колиных рук. Дорога была в ямах и волдырях, грузовик трясло.

Смотри на дорогу, балда.

Да ниче не будет! Когда тут кто-нибудь последний раз ездил, кроме меня? В восемьдесят девятом?

Коля поймал окурочек, выпрямился за рулем и вздрогнул, а потом вцепился в руль, снова уронив сигарету.

Кто-то выбежал на дорогу прямо под колеса его грузовика.

Веки слипались, как намазанные клеем. В них будто накачали воды, они набухли и тянулись вниз. Даня моргнул. Глаза едва открылись.

Как же спать хочется!

По правде говоря, спать он захотел, как только выехал из дома. Ночью он ворочался, думая об этих странных звонках. В голове звучали голоса. Одни говорили, что все в порядке, другие твердили, что он идиот и что Катя его обманывает. Он решил не портить отпуск ни себе, ни жене и оставить эти выяснения до того момента, когда они вернуться. Но бессонная ночь давала о себе знать.

Дорога его уже утомила, а впереди было еще три дня пути.

Они заезжали к его однокласснику Лехе, с которым давно не виделись. Все как-то дорога не лежала в его края. Заскочили ненадолго, познакомить детей.

Даниному сыну Косте уже было три, а Лехиным дочкам было четыре, двойняшки, прелестные девочки.

Но дети не особо подружились.

Костя отвернулся от них и так и остался сидеть в минивэне, который Даня обещал перевести брату в Краснодар.

Дело в том, что брат Дани – Игорь – переехал со всей своей семьей на юг. Они улетели на самолете, потому что ни в поезде, ни на машине ехать им не хотелось. Да и Даня не представлял, как можно с пятью детьми тащиться через полстраны. За ними же надо следить, они всю дорогу будут кричать, просить что-то, стонать, реветь. С одним пацаном еще можно как-

то справиться, но с тремя парнями и двумя девочками, самой младшей из которых было два года, – это подвиг современного Геракла.

Игорь работал программистом в Свердловэнерго. Два раза получил премию «Сотрудник года», два раза жал руку генерального директора в столице, реализовал несколько федеральных проектов, внедрил систему, экономящую предприятию миллион рублей в месяц, а потом плюнул на все и послал компанию.

Все оказалось не так радужно, как думал Даня.

Игорь уволился, собрал манатки, семью, сел на самолет, вещи отправил контейнером и свалил на юг, в теплый климат, на новую работу, а минивэн, самое дорогое, что было у него из вещей, оставил Дане с просьбой приехать на нем в гости и привезти им машину. Игорь не стал продавать минивэн. Это была не просто машина, не просто минивэн. Это была передвижная детская комната.

Даня с Катей и Костей выехали из дома рано утром, чтобы успеть заскочить к Лехе. Провели у него два часа и отправились дальше. Даня спросил у друга, как лучше срезать путь и объехать Камышлов, чтобы не тащиться через весь город. Леха примерно объяснил, и Даня вроде бы понял. Он сверился с картой. Дорога была в объезд, но, если верить Лехе, она самая разгруженная. И виды там замечательные.

Последние полчаса из километра в километр их сопровождала одна и та же картина: лес, поле, лес, поле, асфальт, асфальт, асфальт.

Руки и ноги чесались от нервного напряжения.

Даня пялился на дорогу, а она будто гипнотизировала его. И единственное, что его развлекало, – это бесконечные ямы и волдыри на асфальте. Причем почему-то их было больше с правой стороны дороги, а на встречной полосе почти никаких ухабов. Когда полотно становилось более-менее ровным, дорога своими плавными изгибами и разделительной линией подавала Дане какие-то сигналы. Возможно, эти сигналы говорили – *усни, усни!* Сплошная, сплошная, прерывистая, прерывистая, прерывистая. И никаких опасных поворотов, чтобы немного взбодриться.

И главное, в этой местности было так пустынно, что хватило бы одной руки, чтобы посчитать, сколько они встретили машин за последние полчаса.

Он хотел закричать, чтобы хоть как-то развеселиться, чтобы поднять в крови уровень адреналина. Но он мог напугать сына. Поэтому приходилось переносить скуотищу молча.

Магнитола не работала. В таком хорошем минивэне, и не работала. Хотя чего удивляться. Ведь у брата было пятеро детей. И каждый из них норовил везде залезть и все пощупать. Они, наверное, и накрутили или понажимали что-нибудь.

Даня снова зевнул. В глазах потемнело.

Все. Нарушился, блин.

– Все, Катя, я больше не могу, – сказал он и стал выбирать место, где можно остановиться. Он выбрал небольшой закуток под тенью деревьев. Безопасное место. Дорога прямая, никто не выскочит из-за поворота и не влетит в его машину сдуру.

Даня притормозил на обочине. Справа высилась плотная стена леса, слева, за дорогой, растянулось огромное поле, которое было проплешиной в лесном массиве.

Площадка для праздника, – подумал он, – сюда сходятся из леса гномы и медведи, устраивают ярмарки, выставляют шатры, торгуют волшебством и грибами.

Даня улыбнулся и потянулся. Теперь, когда дорожный гипноз отпустил, он почувствовал прилив сил. Катя в это время затуманенным взглядом смотрела в электронную книгу.

Она так и не сдала на права. Поэтому водителем в их семье был только Даня, а она следила за Костей, который последний час спал, пуская слюни на детское кресло.

Даня опасался, что уснет, свернет на обочину или в лес и врежется в дерево. Тогда прости-прощай. В новостях о таких случаях часто писали.

Он вспомнил двоюродную сестру Аллочку.

В первый день за рулем она оказалась в реанимационной палате без признаков сознания. Это было года два назад, и только недавно ее родители наконец-то решились отключить дочь от аппарата поддержки жизни. Подобия жизни. Но Даня давно понял, что она не выкарабкается. Давно – это с того самого момента, как вошел в палату и увидел ее голову. В таком черепе никак не мог поместиться мозг, здоровый мозг. Половинка – возможно, но не весь.

Аллочка была на искусственном вскармливании и стала похожа на старый изюм. Помня о об этом, Даня не хотел испытывать судьбу.

«Щоепикстабг» – так дети Игоря называли минивэн, но Даня так и не смог запомнить это слово и называл его просто «передвижная детская комната» или «детомобиль».

Багажный отсек был затонирован и переделан в детскую комнату. Мягкий пол и стены, обитые поролоном, были украшены яркими цветными картинками, в углу закреплена корзина в виде большой зеленой лягушки. Открываешь ей рот и – *фокус-покус* – достаешь из желудка игрушки.

Пол представлял из себя миниатюру городских дорог, по которым можно было ездить моделью «феррари» с открывающимися дверцами. Тут были нарисованы и магазин, и АЗС, и даже детский центр, существовавший в реальности, куда Игорь водил всех своих детишек практически каждые выходные.

Слева в стене было прицеплено баскетбольное кольцо, которое опускалось и поднималось, как крышка унитаза. Даня, увидев его, представил баскетболиста, который «*закладывает сверху*». Напротив кольца висел детский дартс на липучках, в углу стоял мини-гараж для пожарной машины, а в другом углу были закреплены в специальной сетке, как в вагонах поездов, несколько подушек.

На потолке располагалась разноцветная лампа, которая имела несколько режимов – для вечеринок, для сна, для космической тусовки и для дискотеки. Не детская, а рай.

Даня смотрел на это произведение искусства с восхищением и с завистью. Да, он никогда не смог бы сделать нечто подобное.

Его брат был круче во всем. Игорь с детства начал строить роботов, паял какие-то микросхемы, оснащал пластилиновые замки электричеством и фонарными столбами, ставил эксперименты в темной ванной с разными химическими препаратами, но при этом прогуливал уроки и сдавал тесты, только когда учителя начинали ругать их родителей. Игорь сдавал все разом, за одно занятие.

Даня завидовал способностям брата. И это его немного обижало. Ведь Дане, чтобы выучить что-нибудь, какой-нибудь жалкий параграф, приходилось сидеть весь вечер над книгой. А Игорь мог прочитать один раз и уже становился экспертом.

Даня ходил к репетиторам и старался заучивать сотни формул, когда Игорь, старше его на полтора года, мог работать уже репетитором самостоятельно.

Игорь нравился девушкам, а Даня из-за лишнего веса был не в почете.

В итоге все это сказалось на Дане, и он стал домоседом, больше погружался в себя. Он много проводил времени один, занимаясь уроками, читая книги, и привык к одиночеству. И таким образом развил свое воображение.

И он понял, что воображение – единственное, чем он превосходил своего брата. Он начал сочинять рассказы. Сначала о том, что видел в кино, потом о том, что читал. Потом у него родилась собственная идея о мальчике, который попал в волшебный мир науки, он путешествовал по классным комнатам, где каждый предмет приобретал живую форму. На математике ожидали цифры, на истории он попал в мир Юрского периода, а на химии... На химии в результате неудачного эксперимента он создал чудовищ, кровожадных и охочих до человечины. И тут-то Даня понял, что ему нравится больше всего и что у него получается лучше всего.

Он любит писать рассказы. Не простые, а рассказы ужасов.

Родители отнеслись к его увлечению с уважением. Игорь перечитал все сочинения Дани. Но когда друзья Дани узнали, чем он занимается в свободное время, они приняли это с таким оживленным глумлением, что он пожалел, что рассказал. Особенно ему запомнилась реакция Генки: *«Ты че, пишешь книги? Это же скучно!»*

Даня вспоминал эту фразу вот уже больше восемнадцати лет. Да, мнение друзей тогда играло для него большую роль. И он поддался на их унижения. Постепенно это его увлечение было вытеснено другими. Он узнал, что помимо рассказов ужасов ему дается музыка. Он начал играть в группе. И в итоге учеба совсем пошла под откос. А вместе с ней и писательство. Но он не стал ни рок-звездой, ни писателем.

Школу окончил с двумя пятерками и тремя четверками. Остальными оценками были тройки. Учителя прощали Дане двойки, потому что поведение у него всегда было отличное. Он ни разу не выкинул ни единого фокуса, в отличие от своего брата. Правда, тот побеждал во всех олимпиадах, кроме спортивной, поэтому ему прощали его несносное поведение.

И вот они выросли. Один стал гением-программистом, женился, завел пятерых детей, а Даня сходил в армию, устроился на работу IT-специалистом. Благодаря своему упорству, полученному еще в детстве путем долгого просиживания над книгами, он освоил новую профессию, хоть и не на уровне управляющего ЦОД, но компьютер бухгалтеру починить мог.

Даня встретил Катю в банке, когда брал кредит на машину. Она обслуживала его. Он так широко ей улыбался, что она решила, что он заигрывает с ней. Но на самом деле он нервничал. Боялся брать в долг деньги. Брат всегда говорил ему, что это черная дорожка, которая ни к чему хорошему не приведет. Но Даня хотел машину. Во-первых, у Игоря был минивэн. Во-вторых, он понял, что без машины ему не обойтись. У него намечался рост, и Даня думал, что отдаст кредит досрочно. Начальник, видя его упорство, решил повысить ему зарплату, сказал, что таких преданных сотрудников, особенно сисадминов, еще поискать.

Тот год выдался у него чудесный. И из-за повышения по службе – он стал ведущим сисадмином, контора расширилась, у него появилось трое подчиненных, и жизнь пошла как по маслу. А еще и потому, что он встретил девушку, которой понравился. И она даже сама к нему подкатила. Катя сфотографировала его номер телефона в анкете, а вечером позвонила и пригласила встретиться. Сказала, мол, он оставил у нее кое-что, когда заполнял анкету. Оказалось, что ничего он не оставлял. Это был предлог. Они понравились друг другу, и через год у них родился Костя.

Костя, маленький проказник, любивший что-нибудь где-нибудь разлить, уронить и спрятать, был в восторге от детской комнаты на колесах, когда дядя Игорь впервые приехал на ней в гости. Но тогда малыш был еще совсем мал. Теперь же он понимал, что к чему, и даже называл минивэн «Деская ту-ту». Его за уши было не оттащить от минивэна.

Он мог просидеть там хоть весь день, если приносить ему туда еду, горшок, одеяло. Он готов был там жить. Так ему нравилась детская. И Даня, смотря на сына, немного даже жалел, что брат оставил ему минивэн. Потому что, когда они доедут до Краснодара, придется с ним расстаться. Это будет очень грустная новость для Кости.

Отъезжая от дома Лехи, Катя высказала идею, что Костя может всю дорогу играть в детской. Даня посмотрел на нее, как на часы, идущие в обратную сторону.

– Ты что, хочешь, чтобы Костя бегал в багажнике машины непристегнутый, пока я лечу на скорости сто сорок километров в час? Серьезно?

– Ну а ты не лети так сильно.

– Допустим, я поеду с максимально разрешенной скоростью девяносто. Что будет с трехлетним ребенком, если его с такой скоростью швырнуть... пусть даже в мягкую стену, обитую поролоном? Я скажу тебе, что будет, – он ломает шею.

– С чего бы ему с такой скоростью кидаться на стены?

– А если я резко заторможу?

– А ты не тормози!

– Ну, знаешь, на дороге всякие ситуации бывают.

– Тогда ты...

– Если ты предложишь ехать мне еще медленнее, – перебил ее Даня, – тогда мы приедем на море к Новому году. С другой стороны, узнаем, замерзает ли море в декабре.

– Как хочешь, твое дело, – сказала Катя и уткнулась в свою книгу.

Костя не хотел ехать пристегнутым, он хотел играть в *деской ту-ту*. Он плакал и выл. *Касю дескую ту-ту*. А через полчаса уже мирно спал, держа Пуппу и Нага в объятиях.

Катя не считала нужным развлекать Даню в пути анекдотами, какими-нибудь веселыми историями из жизни банковского сотрудника или из своего прошлого, хотя таких у нее было навалом. Особенно если вспомнить вечеринку в честь выпускного в школе или случайную встречу с бывшим начальником Олегом две недели назад в кафе, где она выпивала с Олей по случаю ее дня рождения. Эти истории могли бы здорово развеселить Даню, ведь он даже понятия не имел об этом. Но Катя не хотела ему рассказывать, как, впрочем, и кому-либо еще. Да и вообще, она не хотела ничего сейчас рассказывать своему мужу, даже что-нибудь невинное. Несмотря на то что впереди было еще три дня пути.

Она пялилась в свой *Kindle*, но не могла сосредоточиться на чтении. Она видела только размытое пятно из каких-то каракулей. Необычный мальчик, воспитанный призраками на кладбище, был отодвинут на второй план, хоть и осталось-то дочитать всего несколько страниц.

Катю терзали мысли, которые, как моль, оставляли дырки в ее душе. Вот уже несколько ночей подряд она плохо спала, думая об одном и том же. Она знала, что рано или поздно она это сделает. Она бросит Даню, ведь уже давно остыла к нему. И даже Костя больше не мог пробудить того чувства, которое она когда-то испытывала к своему мужу. Она считала Даню хорошим человеком, добрым, воспитанным, открытым, трудолюбивым. С ним она могла выйти в люди, и он не станет травить тупые шутки ее друзьям, обычно он молча слушал и кивал, улыбаясь. Такой милый ручной муж. Очень удобный. Что скажешь, то и сделает.

Но все же.

Вот уже два года как Даня достиг потолка. Складывалось ощущение, что для него выше уже ничего нет в этой жизни. Все, предел, дальше только космос, куда соваться не стоит – крыша взорвется.

Он работал на одной и той же должности несколько лет, не предпринимая попыток подняться выше. Устроился в зоне комфорта, как в конуре маленькая собачка, и сидел там, жирнея и толстая. Последнее время от отрастил себе солидное пузо.

Да, он не был гулякой, любящим бары, танцульки и шумные компании. Но Катя считала, что уж лучше бы ее муж гулял и отрывался, так, может быть, и сдружился с кем-нибудь из боссов. Ведь все знают, что братаны, выпившие в стриптиз-баре, становятся друзьями до мозга костей. И от бухла бывает польза.

А что же Даня? Придет с работы, сядет перед телевизором и смотрит сериалы. Говорит, что устал и даже сил на спортзал нет. Это все брехня.

И сколько бы она не пилила его на эту тему, да разве ему втолкуешь? Уперся в свою работу. Говорит, что и платят хорошо, и условия достойные. А раз так, то где же тогда домик за городом, о котором они вот уже четыре года мечтали, с самой первой встречи? Ведь он ее этим и зацепил. Такую яркую картину нарисовал, когда они пили красное полусладкое, ели сыр с плесенью перед экраном компьютера, где на паузе на самой первой минуте замер фильм.

Тогда Даня так оживленно рассказывал о своей мечте. Ну и где это все? Где бассейн во дворе? Где красивый сад?

Это были всего лишь фантазии.

Катя когда-то верила Дане и мечтала вместе с ним. Но в какой-то момент поняла, что ее муж – всего лишь выдумщик, фантазер. Так и будет до самой смерти мечтать о большом особняке. И бредить своими идеями писать книги. Да хоть бы что-нибудь написал.

Он говорил, что писал в детстве. Ну и где это все? Хоть одну бы книгу показал. С другой стороны, какая, на фиг, разница? Разве детские книжечки хоть на что-нибудь годились? Если она перечитывала свои сообщения во «ВКонтакте» годовой давности и думала: «Что я за дура была?» – так разве на его рассказы, написанные больше пятнадцати лет назад, она ожидала другой реакции?

Нет. Она не желала тащиться по жизни рядом с витающим в облаках неудачником. Она хотела человека, кто обитает на земле, кто будет двигаться вперед, на всех парусах. Такого, как Олег. Он зацепил ее, еще когда был ее боссом. У него был командный голос, твердый, сильный, как и мышцы спины и рук. Светлые волосы, вечный загар и черный блестящий «мерседес». Но потом он открыл свое дело и пропал из банка.

Конечно, она знала его телефон, но чтобы подкатить к такому супермену – это какие надо было иметь формы и осанку. Тогда она еще не горела так сильно фитнесом.

Потом появился Даня. И она увидела в нем живую искру. И потом, он зацепил ее своим позитивом, улыбкой и каким-то живыми движениями. Он притянул ее, и она поверила ему. Но все это оказалось маской. Он потускнел и снял с себя парадную форму, в которой выходил в люди на поиски самки. Вот он, толстеющий, уставший, не стремящийся к реальности фантазер. Ему хватало только фильма перед сном, книжки в выходной и прогулки с сыном. На этом все. Что ж, удачи тебе, милый.

– Пожалуй, я посплю полчаса, а потом продолжим нашу веселую поездку. Катя, ты слышишь? Алло? Катя? – донесся голос с соседней планеты.

– А? – она вздрогнула. – Что? Просто книга интересная, почти дочитала.

Но она так никогда и не узнает, чем закончилась повесть.

– А чего мы остановились? – спросила Катя озираясь.

– Мне надо передохнуть чуток, вздремну хоть минут десять, а то глаза будто клеем намазали. Смотри, видишь? – он оттянул веки так, что стал похож на зомби с обвисшим лицом.

Она не улыбнулась.

– Так мы едем-то всего ничего. Еще даже из области не выехали, а ты уже что, устал?

– Да че-то ночью плохо спал, может, волновался из-за...

– Так надо было пораньше ложиться, я же тебе говорила. Ложись, спи, завтра ехать.

Он хотел сказать, что ее ночные звонки не дают ему покоя, но сдержался. *Держи себя в руках, друг.*

– У меня бывает такое – перед экзаменами, перед собеседованием, перед дальней поездкой, я волнуюсь, вот и не мог уснуть.

– Выпил бы новопассита или валерьянки, не знаю, любого успокоительного. И че, мы сейчас вот так каждый час будем останавливаться? И сколько лет мы будем ехать?

Он хотел сказать, что ей бы не мешало выучиться на права и если бы она это сделала, то сейчас они не делали бы перерыв, а она могла бы вести сама.

– Не каждый час. Мне хватит пятнадцати минут, чтобы выспаться. Если я днем хоть немного посплю, то...

– Ты вечно спать хочешь.

Он молчал. Она отвернулась. Он смотрел на нее. Видел, что она напряжена. Если и дальше что-то выяснять, то ничего из этого не выйдет. Но и ехать он не мог. Спать хотелось очень сильно.

– Дай мне пятнадцать минут, Катя, и потом будем ехать до самой ночи.

– Делай че хочешь.

Она выключила книгу и убрала ее в бардачок, расстегнула ремень безопасности.

– Посмотри за Костей, пока я сбегаю в лес.

– Оке, – сказал Даня.

Катя вышла из машины и хлопнула дверью. Сзади в детском кресле вздрогнул малыш.

– Мама, – позвал сонный голос малыша, – деская ту-ту!

– Извини, дружище, – сказал Даня, – но теперь моя очередь играть деской ту-ту! А вы пока с мамой прогуляйтесь, разомните ноги. Сходи поймай для папы кузнечика.

– Кузецика? – спросил малыш. – А сто такое кузецика?

– Это кузнечик, – сказал Даня, отстегивая ремень безопасности, – насекомыш такой, прыгает по траве, помнишь, в книжечке твоей он есть. Куз-не-чик.

Он вышел из машины. Обошел минивэн и открыл заднюю дверь, где сидел Костя. Он отстегнул ремни безопасности на детском кресле. Вид малыша прогнал в нем нервозность от разговора с Катей.

– Давай, малыш, выбирайся, прогуляешься немного. А то все какашки в попе уже при-давил.

– Какаски? – спросил Костя, а потом вдруг замахал руками и закричал: – Пуппа, Наг, Пуппа!

– Они же вроде бы с тобой были? – спросил Даня.

Мальчик показал свои ладошки, будто фокусник, доказывающий, что у него нет туза в рукаве.

Даня наклонился, заглянул под сиденье и нашел игрушку. Он достал Нага и отдал малышу. Костя радостно заулыбался.

– Но Пуппы я не нашел, – сказал папа.

– Пуппа в деской, он там, Наг победил, – сказал мальчик.

– Да ты что? Насколько я помню, это впервые?

Даня поставил сына на землю. Тот сразу же побежал осматривать место, где они остановились. Даня шел за сыном по пятам, посмотрел направо и налево. На дороге пусто. Он прислушался. Ни звука. Даже не слышно, как его депрессивная жена мочится в кустах.

– Папись, смотли, долога, – сказал Костя и ткнул пальцем в ту сторону, куда они ехали, а потом повернулся и показал в противоположную: – Смотли, и тут долога.

– Везде дорога, да? – спросил Даня.

– Ага.

Костя стоял на той самой вездесущей дороге (хотя в данном случае *вездесущей* можно было назвать Катю). Он оглядывался по сторонам и улыбался. Он вертел маленьким пальчиком, как флюгер, хотя ветра почти не было.

– Костя! – вдруг сзади раздался дикий вопль. – Костя! Костя, а ну иди сюда!

Из кустов выскочила львица, или разъяренная пантера, или бешеная ободранная коза. Это была Катя. Но Даня сначала даже не узнал ее, так она кричала.

– Твою мать, ты что, идиот? Скажи мне, ты идиот? – орала она на Даню, хватая растерянного Костю за футболку и увводя с дороги.

– А что такое? Я же рядом и смотрю по сторонам, – сказал Даня. Улыбка, которую подарил ему только что пробудившийся сын, сдуло воплем жены.

– А если выскочит какой-нибудь придурок-стритрейсер? Ты и оглянуться не успеешь! А что ты будешь делать...

– Да откуда тут стритрейсер, ты че пургу несешь?

– А что ты будешь делать, если он от тебя побежит – и прямо под колеса большущего грузовика? Идиот, бестолковый кретин! – орала Катя.

– Мама, не клици, мне стлашно, – сказал Костя. В его глазах появилось затравленное выражение. Ему казалось, когда мама кричит, значит, это он что-то сделал плохое. Костя задрожал и прижал к себе Нага.

– Ничего же не случилось, мы уже давно не видели никаких ма... – начал Даня.
Катя закатила глаза.

– Все, я поняла, иди спи, у тебя в голове одно дерьмо, ты никогда не признаешь своей вины. Чуть ребенка мне не угробил и стоишь строишь из себя невинность!

Даня хотел было ей ответить, но он снова промолчал. Он глотал ее колкости, как факир в цирке. Если Катя злилась, то он прекрасно знал, что ее надо оставить в покое на пару часов. Температура спадет, и она придет в норму.

– Извини, – сказал он, – я виноват. Че-то я действительно затупил. Ладно, пойду немного посплю, может, хоть голова варить начнет.

Вся в свою истеричку-мать пошла. А ведь когда-то она говорила, что сделает все, чтобы не быть похожей на маму. Надо было записать ее на диктофон и сейчас дать послушать. А, какого черта? Разве это бы что-то изменило? Нет. Ничего.

Он вспомнил ушедшие времена, когда она не могла без улыбки смотреть на него. Влюбленной улыбки. Он помнил, как ее глаза светились, будто два драгоценных камня, когда он назвал ее «моя царица». Она была без ума от него.

Сколько было прекрасных долгих ночей. Особенно та, когда они оказались на дне рождения Халвы. После того как все гости разбрелись пьяные по комнатам, а кто-то даже разбил палатку во дворе и остался спать на улице, они с Катей и Димонем остались допивать пиво в бане. Третий лишний, Димон, похоже не собирался уходить, хотя Даня мечтал остаться наедине с Катей. По ее взгляду он понял, что и она этого хочет.

Даня стал намекать Димону, что его ждет подружка и что ему уже давно пора спать. Но Димон упорно не желал замечать намеки. И тогда Даня прямо ему сказал – *Димон, иди спать!* Тот тупо улыбнулся, сделал вид, что Даня шутит, посмотрел на Катю и вроде бы начал понимать. Но на это у него ушло столько времени, что он успел допить стакан пива. Тогда он извинился, задержался еще на пять минут, чтобы пожелать им спокойной ночи, а потом убрел куда-то в дом.

Даня погасил свет и в темноте приблизился к Кате. Дальше был долгий жаркий поцелуй, потом жадные руки, стаскивающие с нее и с него футболку. Но оказалось, что у нее месячные. А дальше произошло то, что заставило Даню влюбиться в нее без памяти. Катя все сделала сама. А когда начала, то оторвалась лишь на секунду, чтобы сказать ему, что у него «очень большой».

Потом они уснули вместе в одном спальнике в предбаннике.

Хорошее было время. А что же сейчас? Неужели что-то изменилось? Да, что-то точно изменилось. И Даня не понимал, что происходит с Катей. Когда он спрашивал у нее, почему она злится или не хочет делиться с ним, она отмахивалась от разговора. Даня решил, что она просто устала от забот, от работы по дому и от хлопот с ребенком. Ей просто нужен был отпуск.

Даня открыл заднюю дверь минивэна, которая вела в детскую комнату (весь багаж ехал на крыше в специальном корпусе от дождя), а Катя потянула Костю на другую сторону дороги.

– Пойдем прогуляемся, – сказала она ледяным голосом.

Костя бросился к фургону.

– Папись, – крикнул он, – нади Пуппу, паста!

«Паста» на его языке означало «пожалуйста», а «папись» – это «папа», правда, всегда вызывало улыбку у Дани, потому что очень уж напоминало это неприличное слово.

– Костя, не смей убегать от меня, а то под машину попадешь. Ты что, не понял? А ну иди сюда.

Катя хмурилась. Стояла, как штык в горле фашиста.

Даня достал из детской Пуппу и протянул Косте.

– Вот, держи, паста.

– Сиба, папись.

– Костя, пусть папа отдохнет, иди сюда, – она все не унималась. И у Дани мелькнула мысль – вдруг она думает, что он хочет быстренько закинуть Костю в багажник и уехать без нее?

Даня взглянул на Катю. Та не смотрела на него. Ее взгляд уперся в сына, скулы напряглись.

Злится. Прямо как мамаша.

– Давай беги с мамой поиграй, кузнечик.

– Я не кузецик, – сказал Костя, сдвинув брови.

Мамина привычка. А дальше что? Начнет выплевывать наточенные как бритва слова?

– Да, ты не кузнечик, я пошутил. Но ты обязательно найди *кузецика*, пусть мама тебе покажет. Они интересные, у них такие длинные ноги.

– Папись, а ты сто, в иглуски иглать будес? – спросил малыш.

– Нет, дружок, хочу поспать немного.

– Ты спать косес?

– Да, я немного устал вести машину.

– Ты устал? А посему ты устал? Я не устал, я хосю поиглать.

– Это отлично, вот вы как раз и сходите с мамой поиграйте, а я отдохну. А потом я проснусь, и мы поедем к морю. Хочешь увидеть море?

– Да-а-а! – воскликнул Костя.

Катя скрестила руки на груди. А потом, не выдержав, подошла к Косте и взяла его за ворот футболки, потому что руки у него были заняты. В левой Пуппа – бравый солдат, в правой Наг – коварный робот.

Пуппа обладал удивительной и очень удобной способностью для солдата – он мог вернуться от любой пули, даже со смещенным центром тяжести. Он прошел столько баталий, что любой генерал уже отдал бы ему свои ордена, он одержал немыслимое количество побед и завоевал сотни женщин (правда, это всегда была одна и та же девушка – дама в красном платье с обгрызенной туфлей, но после каждого сражения она представлялась другим именем). Пуппа был героем, непобедимым и ловким.

А робот Наг был его вечным противником. Но после каждого сражения он что-нибудь терял. То кисть, то бластер, то глаз, то стопу.

Катя таких увечий не одобряла и даже однажды сказала Косте, чтобы он не уродовал свои игрушки, иначе она их отдаст кому-то другому, кто не будет таким садистом. Костя не понял, кто такой садист, и спросил. Но Катя не стала ему рассказывать, просто попросила относиться к игрушке как к своему родному брату.

Костя пожал плечами: «*Хорошо*».

Малыш так и не понял, что она имела в виду, ведь он вовсе не ломал Нага, это все Пуппа, который каждый раз после победы что-то отрубал кинжалом у противника. Это война, детка.

Но сегодня был необычный день. Потому что Наг впервые одержал победу. И помогла ему в этом маленькая хитрость.

– Давай, пойдём, дай папе отдохнуть, а то никогда не приедем на море, – сказала Катя, оттаскивая сына от отца.

Как будто это не она предлагала тащиться по трассе со скоростью улитки.

– Главное, клещей не собирайте, – сказал Даня, – обработайте ноги спреем, ладно?

– Ага, – бросила Катя, – и так знаю.

Черт, я даже и не подумала об этом. Ладно, хоть в чем-то он еще полезен. Чуть Костя из-за него под колеса не попал. Ну все. Это точно была последняя капля. Прости, Дэни-бой, но быть тебе перекасти-подем, пока кто-нибудь не наступит на тебя и не сломает. Но такой ты мне точно не нужен.

– А сто такое кесси? – спросил Костя.

– Это такие букашки, они кусаются.

– Как собаськи?

В глазах Кости появилось волнение. Все из-за Бакса.

– Нет, скорее как комары.

– А-а-а.

– Будьте осторожны, – сказал Даня.

– Лана, – ответил сын.

Кто бы говорил, думала Катя.

Даня свернулся на мягком полу «деской ту-ту». Окна в кабине были приоткрыты, чтобы свежий воздух попадал в салон.

Может, завести будильник?

Он достал сотовый, взглянул на надпись «Нет сети» (*уже? Вроде бы только что были в поселке*), передумал и убрал телефон в карман. Наверняка Катя не даст ему долго спать.

– Разбудите меня через полчаса, оке? – крикнул Даня.

Оке! Кирпич в очке! Как я ненавижу эти его тупые сокращения.

– О'кей, – подчеркнула она, чуть скрипнув зубами.

– Ма, сто это? Сто там?

– Там поле. Видишь, там пшеница растет.

– Псениса? – спросил Костя. – Я хосю туда, пойдём туда, пойдём туда, мама, пойдём туда! – кричал Костя, указывая на поле, которое заливало солнце. В руках он держал две игрушки. Двух противников. Плохого и хорошего.

Он проснулся с мыслью о том, что проспал работу. Он уже давно не вставал сам, без будильника, просто потому что выспался, и для него это стало тревожным сигналом. Потом до Дани дошло, что он в отпуске, и он расслабился. Но тут же пришла новая тревога, посильнее предыдущей. Почему он все еще спит?

Он потянулся и огляделся. Темно. И не потому, что окна в детской комнате были тонированы, а потому что наступил вечер. Даня тут же вскочил.

Что случилось? Почему Катя меня не разбудила? И где они с Костей?

Он заглянул в кабину. Никого. Он посмотрел на дорогу. Темно, ни черта не видно, только очертания леса и дороги, уходящей вдаль. Небо стало цвета закрытого изнутри чулана, в котором еще оставались отблески света, просачивающиеся через щель под дверью.

– Катя, – позвал он, сдерживая панику.

Наверняка они где-то тут, рядом. Собирают цветы.

Что, какие цветы? В темноте-то? Интересные получаются у них прогулки? Сколько я спал?

Он взглянул на часы в телефоне.

Черт! Шесть часов беспробудного сна. Секунда – и шесть часов как не бывало.

Он почувствовал, как жар поднимается к тяжелой голове. Шесть часов Костя и Катя бродили по полю и собирали цветы? Не захотели есть, пить, не постарались разбудить его... А может, и пытались, но он так крепко спал.

Он открыл дверь и вывалился в прохладный воздух. Какой же тут воздух! Он пах чистотой и был прохладнее, чем в салоне. За время сна Даня так надышал, что нагрел салон и весь взмок от пота. Сейчас подул приятный ветерок, и жар в теле сменился сначала на легкую дрожь от прохлады, а потом Даня почувствовал холод, леденящий холод, который охватил не только его тело, но и пробрался глубже, в самую душу.

– Катя! – он заорал так, что спугнул какую-то птицу в лесу. Она вспорхнула и улетела подальше от сумасшедшего.

Душа! Это душа отлетела.

Что за идиотские мысли. С ней все в порядке.

– Костя! Катя!

Он вышел на дорогу и выкрикивал их имена. Но никто ему не отвечал.

Завыл ветер. Даня прислушался, а вдруг ветер принесет ему далекие крики...

Крики о помощи! Помоги, папа, помоги, Дэни-бой! Спаси нас, мы упали в яму.

Он представил себе охотничью яму, какие выкапывали люди в древности, ставили острые деревянные колы на дне – ловили диких кабанов. Но его жена и сын не дикие кабаны. И разве сейчас такие ловушки еще делают? Кому это нужно? Ведь есть капканы, есть ружья, есть летающие дроны.

Ветер принес Дане только весть об одиночестве. Он тут был один. Совсем один.

Он подошел к противоположному краю дороги, всмотрелся в темноту. Что он мог там разглядеть? Огромное поле. Поле, накрытое саваном тьмы. Никаких тебе бегающих детей с Нагом и Пуппой, никаких тебе депрессивных жен, смотрящих на него как на говно. Ну и что, что она так на него смотрит? Главное, что он смотрит на нее нормально, без обиняков. Он не обижался на нее, он верил, что все у них наладится. Такое бывает со всеми, с каждой семейной парой. Просто она устала от рутины. Сейчас они съезжают на море, и Катя расслабится, наполнится энергией. Все будет хорошо.

– Катя! Костя!

Он вернулся к машине, завел мотор, включил ближний свет, потом подумал, переключил на дальний и нажал на клаксон. Гудок в тишине взвыл так сильно, что в лесу где-то вспорхнула целая стая.

А вот теперь это души всех, кто бродил в этом поле и нашел тут свою яму.

Заткнись, мать твою, лучше заткнись!

Перед глазами вдруг возникла картина, как Катя и Костя бредут в лесу в темноте. Мальчик плачет, а мама кричит на него, кричит, чтобы он замолчал. Она напугана до смерти и боится впасть в панику, как и Костя. Они заблудились, и если она потеряет голову, то им конец.

Даня дрожал. Сердце разогналось так, что под его дикие стуки можно было отплясывать шаманские танцы перед костром.

Еще одна картина пришла без спроса, даже не постучавшись. Катя и Костя натываются на большую мохнатую кучу. Эта гора в ярости, потому что кто-то потревожил ее, когда она так сладко собиралась поспать. Или отужинать. Это был огромный медведь. Катя кричит, а Костя плачет и пытается убежать. Но медведь бросается на них и...

– Катя!

Ему казалось, что прошло уже два часа, но на самом деле умирала только вторая минута после пробуждения.

Даня включил фонарь на телефоне. Он посветил направо, налево. Луч фонаря не очень мощный. У Дани был дешевый телефон. Все деньги уходили на кредит за машину (ту самую, что подарила Дане встречу с Катей) и айфон Кати. Поэтому он купил себе самый простой смартфон, в котором сэкономили на всем, включая фонарик. Тот освещал только на расстоянии вытянутой руки. Но это было лучше, чем ничего.

Даня искал место, где Катя и Костя вошли в поле. Он увидел примятую траву. Увидел следы. Нечеткие, но определенно человеческие. Может даже, Костины или Катины. Кому еще пришло бы в голову тут бродить?

Он спустился с дороги и вошел в траву, не прекращая выкрикивать имена жены и сына. Трава оказалась ему по пояс. А значит, и Костю скрыло бы с головой.

Что это? Пшеница?

Он не знал, как выглядит пшеница. На уроках биологии он впадал в ступор, когда они начинали изучать пестики, тычинки, колоски и прочую ерунду. В его голове стояли растения с челюстями, живые лианы, ползающие как змеи, убивающие людей. Наверное, пшеница, что же еще.

Он отошел несколько метров в поле и осознал, что так он никого не найдет. Трава такая высокая, что идти по ней было тяжело. И вряд ли Костя с Катей забрались в нее по самые уши и разлеглись там отдохнуть. Тем более, Даня кричал очень сильно, что наверняка все, кто находился в поле, слышали его. Так какой же смысл был его прочесывать?

Смысл в том, что они лежат где-то тут рядом, лежат мертвые, поэтому не отвечают.

Он схватился за голову.

Черт, да что это такое? Откуда такие мысли?

У него вдруг навернулись слезы. Он вспомнил Костино лицо, его веселый смех, больше напоминающий гогот. Он всегда так смеялся, что Дане хотелось стать маленьким и ржать вместе с ним, пока от смеха штаны не намокнут. Переживал бы он так, если бы пропала только Катя? Конечно, он бы переживал, ведь он любил ее. Но не так, как Костю. Не так.

Он стал бегать по полю, приминая траву, и осматриваться. Нет, тут их нет. Трава стояла прямо, будто тут никто и не ходил. Может, они побродили тут немного и ушли в лес? А вдруг...

А вдруг она меня бросила? Вдруг взяла попутку и уехала? Могла она так сделать?

Он побежал обратно к машине, заглянул в бардачок. Электронная книга на месте. Тут же лежала и ее маленькая дамская сумочка. Наверняка и в багажнике на крыше все ее вещи на месте. Ведь она сама не смогла бы их достать, если бы никто не помог. А если бы ей кто-то помог, неужели она уехала бы без своей сумочки.

Телефон! У нее был с собой телефон! И если он не в сумке...

Даня порывлся в ее сумочке. Нет, его нет. Значит, она взяла его.

Господи благослови эти долбанные сотовые телефоны. А раньше он ненавидел их, потому что Катя вечно просиживала часами перед экраном айфона, если была устойчивая связь. Инстаграмчики, социальчики, переписочка, вечно набирала кому-то тонны текста, как будто стала писательницей, улыбалась телефону, бездушной машине, которая смотрела на нее и улыбалась в ответ – *да, детка, ты вся моя, смотри в меня, смотри, и слушай, не отвлекайся, тебе нужно листать ленту, смотреть картинки, читать слова безмозглых идиотов! Листай и всасывай, потребляй, внимай моему голосу, жми сердечко и листай дальше, не заморачивайся над смыслом, твое дело пролистать и забыть, твое дело уничтожить всю свою способность сосредотачиваться, уничтожь в себе силу, уничтожь в себе разум, стань зомби, стань зомби, слушай меня, я твой хозяин! Нет ничего вокруг, есть только я!*

Но что тебе даст ее сотовый, тут же не ловит связь?

А вдруг ловит?

Даня поднял свой телефон над головой. Нет сети.

Он побрел по дороге. Наверняка найдется место, где будет сигнал. Наверняка. Так всегда бывает. У нас же двадцать первый век, у нас же цивилизация, люди в космос летают, есть аватары, роботы, дроны, нанотехнологии, китайцы телепортировали два свойства электрона, *SpaceX* собирает экспедицию на Марс, биткоин заполонил весь мир, наверняка и сотовая связь есть в глуши.

Ага! Есть!

На экране высветилась надпись «Мегафон» и появилась одно деление сети.

Даня опустил телефон, и связь пропала. Он поднял его обратно. Подождал несколько секунд и связь появилась.

Не шевелись.

Так. И что делать? Взлететь на уровень телефона или...

Идиот, люди придумали громкую связь.

Он ухитрился одной рукой выбрать справочник, найти Катин номер в избранном и нажать вызов. А потом включил громкую связь.

Сначала была тишина. Дане казалось, что она затянулась на несколько минут. Этого хватило, чтобы он убедился, что от телефона толку не будет.

А затем, так неожиданно, что он сначала не поверил, в его трубке раздался гудок. Но что самое удивительное – слева от Дани заиграла тихая мелодия. Ее он помнил наизусть.

Эта мелодия последние две недели будила его по ночам, когда Катя поднималась и выходила из комнаты, а потом с кем-то долго разговаривала на кухне.

Она говорила, что ей звонит Танька, напившаяся и стонущая о своей жизни. Ее подруга Танька, которая в очередной раз порвала с козлом-мужиком и страдает сама от своего поступка. Но Даня не верил.

И сейчас, слыша эту мелодию, Даня вспоминал длинные ночи, когда он не мог уснуть и думал, что это определенно была не Танька, ему даже не нужно было ковыряться в ее телефоне. Он видел Катину улыбочку, с которой она возвращалась в постель. Ложилась и поворачивалась к нему спиной, как избушка на курьих ножках, когда не хотела никого пускать к себе.

И вдруг Дане пришла идиотская мысль, что сейчас звонит тот же человек, что обычно звонил Кате ночью. Сейчас Даня найдет телефон жены и наконец узнает, кто эта «Танька».

Нет, ты бредишь. Это ты сам же и звонишь. Займись делом, идиот! У тебя сын пропал.

Если телефон здесь, значит, и жена здесь. На секунду Даня почувствовал облегчение, но потом до него дошел рациональный смысл происходящего, который не принес хороших новостей.

Если она тут, то какого хрена не отвечала, когда ты орал как резаный? Или что, ты думаешь, они сидят тут с Костиком в кустах, тихо посмеиваются, зажав ладонями рты? Думаешь, сейчас ты их раскусил? Они выскочат и скажут: «Сюрприз! Мы тут в траве просидели несколько часов, пока ты спал. Все ждали тебя, соня-засоня, хотели посмеяться. И это того стоило! Стоило просидеть на корточках шесть часов и не чувствовать своих ног! Зато видел бы ты себя со стороны, бегаешь тут, как идиот, орешь на всю округу, а мы вот сидим, тут, рядом! Ха- ха!»

Стало жарко. Жарче, чем днем. Даня бросился к тому месту, откуда доносилась мелодия из телефона. Он бежал, подняв руку вверх, лишь бы сигнал не пропал, лишь бы эта идиотская мелодия стандартного звонка в айфоне за семьдесят тысяч продолжала пиликать из темноты.

Он ничего не видел. Его телефон за три тысячи не мог осветить даже дорогу под ногами. И поэтому Даня шел на ощупь. Но быстро.

И вот он уже где-то близко. Как бы не наступить на что-нибудь.

На ее труп!

Как бы не грохнуться с дороги в канаву. Он шел от минивэна, фары светили в другую сторону.

Туда, где лежит Костя со свернутой шеей! Его убили!

Пожалуйста, не говори такого больше! Лучшие заткни свои мысли чем-нибудь! Ты только хуже делаешь.

У Дани в глазах стояли слезы. Некоторые скатились по щекам на его футболку.

Звонок был где-то рядом. И тут связь оборвалась. В этот самый момент, когда воцарилась тишина, Даня на что-то наступил. И это что-то так громко хрустнуло. Раздался звук, будто маленького грызуна переехал большой грузовик. Такая картина пришла в голову Дане: здесь, на трассе, в темноте, вокруг только лес, мертвый бурундук, сломанный позвоночник, вытекающие через рот кишки.

Он опустил телефон, посветил под ноги и с криком отскочил в сторону. Сначала он подумал, что это змея и он наступил ей на голову. Из нее натекло столько крови! Будто у нее башка была как воздушный шарик, наполненный этой самой кровью. Но... Кровь не текла и больше походила на засохшую. И ее было так много, что столько не поместилось бы в одной змее.

Через долю секунды до Дани дошло, что это была не змея.

Это была рука.

Слабый луч фонаря осветил в темноте владельца этой руки. Как такое может быть? Рука переходила в плечо, а из плеча торчал какой-то черный пень... Тут Даня понял: а ведь когда-то на этом пне росла голова его жены. Кто-то отрезал ей голову.

Он пялился на ее труп. Перед ним была его любимая женщина в самом непристойном виде, каком только можно представить. Руки и ноги в разные стороны, головы нет, вся в крови.

Это точно она? Точно она?

Да, она. Та самая, которую он подозревал в измене, которую любил, водил когда-то в кино на ее любимые комедии, подарил ей обручальное кольцо, когда они застряли в лифте на седьмом этаже (они провели там два часа, и он больше не мог сдерживаться), а на рождение сына подарил ей электронную книгу (лучшую модель, по словам продавца). Он видел ее бордовую футболку с логотипом ТВОЕ, которых он называл Т80Е, она купила ее в торговом центре в тот день, когда они впервые сели в минивэн Игоря и катались по городу.

Нет никаких сомнений, это Катя, чью маму он недолюбливал (и подозревал, что это взаимно), а отца считал крутым мужиком, потому что тот бросил эту «тупую стервозную бабу». И последнее время Даня стал и сам задумываться о том, что, возможно, когда-нибудь он станет таким же, как его тесть, потому что яблоко от яблони...

Сначала он завыл. Было желание броситься к телу и разбудить его. И он бы так и сделал, если бы не пустая шея. Тело не проснется без головы, это он понимал.

А еще он понимал, что здесь было совершено убийство, и как бы он ни хотел обнять мертвую супругу, он мог крупно вляпаться, оставить следы, уничтожить улики, если они были. Даня корил себя за такие прагматичные мысли, но свобода – вещь хрупкая, может сломаться в любую секунду.

Он схватился за волосы, снова взвыл, закричал, обернулся вокруг. Потом на его лице появилась ярость. Он так сжал челюсти, что зубы громко хрустнули. Если бы между ними оказался язык или щека, то он отхватил бы их, как ножницами. Он светил фонарем в разные стороны, пытаясь найти того, кто все это затеял.

– Кто? – заорал он. – Зачем? Я убью вас! Зачем?

А потом он разрыдался. Бросился к минивэну, остановился, побежал обратно к трупу жены. Может, ему все это показалось? Ведь не может же это быть реальностью?

Но она по-прежнему лежала там же. Даня снова закричал. Наклонился к Кате, но отдернул руку. А потом почувствовал что-то внутри. Чей-то безжалостный кулак сжал его желудок. Он отвернулся от Кати. Даню стошнило. Он сам не ожидал, что такое может произойти. Сначала он блевал на свои ботинки, но потом отклонился в сторону. Он блевал и плакал. А в голове раздался голос.

Ищи сына.

Он наверняка тут же. Он... Я боюсь. Я не хочу на него смотреть. Если кто-то убил ее, то наверняка и его тоже.

Ищи сына, идиот! Он может быть жив. Может быть, ему нужна помощь. Быстрее. Потом будешь страдать, потом будешь оплакивать свою супругу и свою семейную жизнь. Будет еще время.

Он вытер рот рукой. Смазал желчь о футболку. Его лицо скривилось так, будто он жрал лимоны, нафаршированные горькими таблетками.

Он снова высветил тело жены. Руки в разные стороны. На одну он наступил. Лежит в черной луже. На плечах – пень, откуда эта лужа и натекла. Вся в грязи. Раньше за ней он подобного поведения не замечал, чтобы она вот так могла разлечься в дорожной пыли. Да, смерть меняет людей. А все потому, что она потеряла голову.

В горле застрял смешок, но Даня не позволил ему выплеснуться наружу. Если бы позволил, тут же сошел бы с ума. И убежал бы в лес.

– Костя! – закричал он. – Костя!

Даня звал сына, а сам не мог отвести взгляда от мертвеца. Он осветил Катю со всех сторон, но не увидел того, что искал, чего боялся. Следов насилия. Конечно, он об этом подумал. Ведь кто-то мог сначала трахнуть ее, потом убить, чтобы она никому не рассказала. И они сделали это на глазах у Кости. Но нет, ничего такого. Штаны на месте, футболка цела. Никаких следов борьбы. Будто она стояла, а потом грохнулась – потеряла сознание.

А ты бы не потерял сознание, если бы у тебя голову отрезали?

– Костя!

Он осматривал место преступления и заметил, что у черной лужи-мамы есть детишки – маленькие лужицы. Сначала он принял их за брызги, но при ближайшем рассмотрении понял, что это чьи-то следы. Следы того, кто наступил на кровь, а потом бегал вокруг тела. Они были такие маленькие.

Может, животное?

Ага, животное в ботинках.

Даня присел на корточки, стараясь больше не смотреть на мертвую жену. Потом еще насмотрится, в морге, на похоронах. Если, конечно, ее не утащат в лес дикие собаки – или кто там обитает в ночном лесу, – пока он ищет своего сына.

Маленькие следы определенно были от ботинок. Это были следы Кости. Значит, когда она лежала тут мертвая, а тот, кто ее убил, смеялся над ее трупом, Костя бегал вокруг мамы.

Даня вспомнил улыбающуюся физиономию малыша, измазанную йогуртом от шеи до макушки головы, улюлюкающую: «Огулт, кусать». Даня почувствовал глубокую обиду. Нутро начало разрываться на куски.

Какого хрена ты тут остановился? Не мог потерпеть до гостиницы? Жалко было денег на номер в мотеле, где вы были бы в безопасности? Ты что, возмнил себя знатоком путешествий? Тебе мало было рассказов тещи о том, какие люди вокруг злые, как пойдут на все ради денег?

Каких денег? Телефон на месте, сумка на месте, в машину не залезли.

Но тогда зачем они убили Катю?

Чтобы просто посмотреть на плачущего ребенка, на его горе по погибшей матери.

Больные уроды!

Слезы капали в кровавые следы.

Где мой сын? Куда ведут следы?

Он поднялся и начал ходить вокруг тела, как настоящий следопыт. Плачущий следопыт с выражением на лице, полным ненависти, страха, боли, ярости, страданий. Трясущийся, сопливый, испуганный.

– Я вас убью! – заорал Даня.

Его переполняла энергия. От одной мысли, что его сын видел такое, от одной мысли, что его жизнь вот так перевернулась, внутри разорвался ядерный снаряд, и Даня снова зашелся диким криком. Он кричал как безумец, как зверь. Орал на весь лес, пока в горле не запершило и крик не перешел в кашель.

Крик помог ему, а вот исследование места преступления – не особо. Хреновый из Дани был следопыт. Следы обрывались. Они петляли вокруг тела Кати, но никуда не уходили. Ни

на дорогу, ни с дороги в канаву. Будто Костя вел себя, как заяц, петляющий по снегу кругами, а потом прыгнувший далеко в сторону. Казалось, что он просто улетел.

Даня посмотрел в темное небо.

Ты думаешь, птеродактиль или какая-то птица сюда прилетела, схватила его своими когтистыми лапами и унесла в гнездо на дереве? Нет! Человек унес его. Тот, кто не наступил в кровавую лужу, чтобы не оставить следов. Это были они, убийцы. Они унесли твоего сына. А это может значить, что он еще жив. Если они хотели его убить, то сделали бы это здесь. Прямо тут на месте.

А вдруг они... Хотели... Поиздеваться?

Звони в полицию, теперь уже можно.

И Даня снова начал искать сигнал сотовой сети.

– Алло! – кричал он.

Смартфон завис на вытянутой руке над головой и светил Дане в лицо, как НЛО. Вот сейчас он затянет лицо Дани внутрь и улетит на Плутон. Из летающей тарелки раздался голос пришельца, продирающийся через завесы помех и прерываний:

– Дежу... я ча... ть, капитан Чисти... аю!

– Меня зовут Данил Марков, я потерял ребенка. Мою жену убили. Я нахожусь на дороге где-то около Камышлова и... Алло! – быстро проговорил Даня. Он думал, чем быстрее скажешь, тем быстрее они вызовут наряд и тем быстрее полиция приедет ему на помощь.

– Ал... ите... – раздалось в трубке.

Что? Что он сказал?

– На нас напали. Убили мою жену. Ребенка украли. Алло.

– Ал... Что с ребенком? Повто... е.

Даня выдохнул. Его не слышно, и он не слышит дежурного. Если есть прерывания, то чем быстрее говоришь, тем больше звуков съедают помехи. Надо менять стратегию.

– Ребенка похитили, – он начал говорить медленнее, будто объяснял иностранцу дорогу через весь город до футбольного стадиона, где шел чемпионат мира, – я нахожусь на дороге где-то у Камышлова. Повторяю, ребенка украли, жену убили. Алло.

– Пон... л. Где... ете опи... ть.

– Что?

– Опиши... е где в... ..итесь.

Видимо, он пытается выяснить, где я нахожусь.

– Я не знаю. Тут лес, поле и...

И тут ему в голову пришла дельная мысль. Вот и наступила эра сотовых телефонов.

– Наберите мне на этот номер с вашего сотового, я пришлю вам свои координаты.

Да, геолокация, мать ее так. Везде, куда бы ты ни пошел, всевидящее око следит за тобой. Следит, оберегает тебя от опасностей и может в любую точку мира прислать помощь. Даже на Марс.

– Что вы... али? Повто... те.

– Позвоните мне с вашего телефона, я отправлю вам координаты в эсэмэс, – проговорил Даня так же медленно, – координаты отправлю вам в эсэмэс.

– Сек... ду.

В трубке возникла тишина. Через несколько секунд телефон в руке Дани дрогнул. Пришла эсэмэс.

– Получил, – сказал Даня, – ждите.

Он завершил вызов и открыл эсэмэс. С незнакомого номера пришло сообщение с единственным символом – цифрой 1.

Он включил «Яндекс-карты», нашел координаты, посмотрел, сколько примерно километров до ближайшего поселка. Нашел маленькую деревню или село, находящееся километрах в пятнадцати отсюда. Затем скопировал свои координаты, вставил в ответное эсэмэс и отправил. Затем написал еще одну эсэмэс дрожащими руками. И пока он писал, заметил, что его руки оставляют следы на телефоне. И что это за следы?

Неужели крови? Он что, трогал труп своей жены? Он не помнил, чтобы прикасался к ней.

Нет, он не трогал ее. Он смог удержаться, хотя хотелось. Хотелось схватить ее и застонать, хотелось лить слезы на ее труп, как в сказке, вдруг она оживет от его горя. Нет, это были не следы крови.

Это следы блевотины, друг. Ты блевал, как перепивший студент после выпускного.

Он набирал эсэмэс грязными пальцами, потом задумывался, удалял текст и начинал заново. Ему все время казалось, что он пишет, будто полный идиот. Сказывалось волнение. Мысли путались. Пальцы тоже.

«Мы остановились на трассе, чтобы отдохнуть. Пока я спал, кто-то убил мою жену и украл сына».

Даня проверил. Ошибок нет. Долбаный смартфон проверяет за ним, как дотошная училка. Он отправил эсэмэс и стал смотреть на светящийся экран. Заряд на семидесяти семи процентах.

Он ждал. А чего он ждал? Когда дежурный из полиции ответит на его эсэмэс?

Он стоял в тишине и слушал свои сумбурные мысли. Смерть, похищение, семья разрушена, сын мертв! Ты его больше не увидишь! Костика больше нет. Нет маленького светловолосого, как мама, комочка. Нет утренних просыпаний с кучей слез перед садиком, не будет прогулок на детской площадке и падений с железной горки, не будет больше жаловаться воспитательница, что он, как маленький скалолаз, залезает во все шкафчики, даже те, что находятся высоко под потолком. Этот маленький проказник, смеющийся и убегающий от папсы, прячущий ботинки и галстуки, пересыпающий все крупы и сахар с солью в одну банку, теперь пропал.

И самое страшное в том, что тебя обвинят. Это ты сделал. Увез подальше свою жену и убил.

Из ревности!

Так скажут полицейские, теща подтвердит, ведь она звонила тебе, помнишь? Спрашивала – *что у вас там происходит? А ты такой – не знаю, вроде все нормально.*

Вечно закрываешь глаза на проблемы с бабой, убегаешь от ответственности, боишься своей женщины, потому что боишься потерять ее. Трус.

Нет чтобы сказать ей – *слышишь, дорогая, успокойся, и хватит выносить сор из избы и звонить своей истеричке маме.* Ты же купил ей айфон, ты содержишь ее, она ест за твой счет. Поставь уже себя на место мужика. А чем ты занимаешься? Устраиваешь ей дешевые скандалы, как какая-то уставшая баба. Толком ничего не можешь сказать.

Вот, пожалуйста, скандал был неделю назад, ее мама в курсе, причем, со слов твоей жены, ты пытался ее убить.

Смешно тебе? Да, подумаешь, слегка потряс кулаками, разбил две рамки с фотографиями, пару тарелок. Но у твоей тещи в голове ты с ножом кидаешься на ее дочь и отрезаешь ей голову. Будет весело. Чуешь?

Чуешь направление ветра?

Тишина позволяла все это услышать.

А почему так тихо, вдруг подумал Даня. Неужели тут за все шесть часов, пока он дрых, до сих пор не проехало ни одной машины? Никто не видел труп его жены и не остановился,

чтобы помочь? Не вызвал скорую, полицию, МЧС? Разве такое возможно в нашем мире, заполненном людьми? Людей можно встретить теперь везде, даже Джеймс Камерон на дне Марианской впадины и то встретил мужика, который спустился туда, чтобы в одиночестве погадить. Но это не точно.

Проезжали. Еще как проезжали, только ты спал. Проезжали, потому что кто-то же убил твоих жену и сына!

А затем Дание пришло в голову, что зря он написал эсэмэс. Не подумают ли копы, что это он убил жену? Может, что-то такое они увидят в сообщении. Какие-то скрытые нотки, знаки. Как его жена, когда он купил ей сертификат на процедуры в салон красоты, среди которых был антицеллюлитный массаж. Она тогда сказала ему – *я что, на жирную старую бабу похожа?* Такого он не ожидал. Да и кто бы ожидал? Он перечитал эсэмэс. Не будет ли оно как раз такой уликой? Иногда такое бывает – ты что-то говоришь, а потом тебя обвиняют, используя твои же слова, и неважно, что ты просто выразился не так, это все до фонаря, важно, что полицейские нашли убийцу. Точнее, нашли виновного.

Он перечитал эсэмэс еще раз. Вроде все нормально.

Он заметил какое-то движение слева. В той стороне, где лежала его супруга с отрезанной головой. Он обернулся и посветил телефоном в темноту. Он увидел, как его мертвая жена поднималась, с хрустом отрывала свое прилипшее тело от дороги – прижарилась, пока асфальт остывал после солнечного дня. У нее запеклась половина тела. Утощение для диких животных. Ее руки искали голову, они шарили по плечам, шее, трогали пенок и ничего не находили. Как зомби в кино, она пошла прямо на него, чтобы отобрать Данину голову и поставить себе.

Нет. Ничего подобного. Труп был на месте. Катя лежала там, где и умерла. Вдруг у Дание возникло ощущение, будто он что-то забыл. Что?

Он сглотнул. Оказалось, что в его горле пересохло. Но сейчас не до питья.

Что он забыл? Попить? Сходить в туалет? Отжаться? Собраться в школу? Взять учебники по биологии? Забыл учебники?

Да, мать вашу, долбаный учебник-то я как раз и забыл!

А голову ты не забыл?

Это был голос Виктории Павловны. Той самой училки, которая вечно придиралась к нему, потому что в восьмом классе он носил волосы до плеч, покрашенные в цвет бордо.

Голову не забыл?

Голову!

У Кати не было головы, но она же должна быть где-то, если ее не унесли с собой убийцы, как трофеем. Может быть, она лежит где-то тут, в высокой траве, в кустах? Или в лесу? А может быть, и Костя там же, где и голова.

Даня вскинул фонарик и отправился на поиски.

Даня, освещая путь телефоном, спустился с дороги.

К этому моменту он уже заглянул под машину, но ничего и никого там не нашел. Он оставил минивэн заведенным, чтобы не сел аккумулятор. Ближний свет фар оставил включенным, чтобы Костя мог видеть машину издалека. Он проверил край дороги, прилегающий к лесу, но в сам лес заходить не стал. Это будет последний вариант, который он отважится исследовать.

Ночной лес для него был волшебным местом, наполненным страшными тварями, мутантами и жуткими древними существами. Слишком много сказок было прочитано, слишком много фильмов просмотрено. Даня всегда боялся плотной темноты, как раз такой, как в лесу, там его поджидали морлоки, леший, кикиморы (это слово не казалось ему смешным, потому что он видел, как они выглядят), нежить и болотные чудовища.

Он предположил, что убийца мог пнуть голову с дороги или выкинуть ее. Скорее всего, если Костя был тут же, он наверняка пошел бы ее искать. А вдруг он нашел ее? И сейчас сидит испуганный рядом с лицом матери и плачет.

А она успокаивает его, рассказывает сказку и шепчет: «Не плачь, малыш, я спою тебе колыбельную». Он сует палец в рот, как младенец, ложится рядом, обнимает мертвую холодную голову, а она шепотом напевает ему: «Спи, моя радость, усни, жизни погасли огни...»

Неужели я бы не услышал Катиного пения или Костиного плача?

Услышал бы. Ведь Костя всегда очень громко плачет. Особенно когда напуган. Боже! Да он же еще малыш, и он пугался всего на свете. Он заливался слезами и бежал к папке, даже когда соседский пес начинал лаять в подъезде. Правда, учитывая тот случай, как Бакс напал на Костика, реакция сына вполне оправданна. Эта невоспитанная дворняга набросилась на Костю и укусила его за рукав куртки. Нет, Бакс не прокусил ее, но малыш так перепугался, что теперь собаки были для него все равно что монстры.

Даня увидел в зарослях пшеницы брызги крови. В темноте при свете фонаря они напоминали черную краску. Место, где он нашел кровь, было примято. Кто-то здесь ходил. Даня осмотрелся и нашел еще больше кровавых следов. Вероятно, голова Кати упала сюда. И похоже, кто-то ее забрал. Тот, кто примял траву. Кто-то не очень большой. Не медведь и не взрослый человек.

Это Костя. Он нашел голову мамы, поднял ее и ушел.

Куда?

Даня вертел телефоном в поисках какой-нибудь тропинки и нашел ее.

Он пошел по следам примятой пшеницы. Видимость была на расстоянии вытянутой руки, поэтому он не мог увидеть, куда ведет этот след. Обрывался ли он в двух метрах впереди или петлял кругами через все поле.

Ночь заступила на смену. Было темно, будто нигде (именно так себе он представлял «нигде», когда защищал доклад по философии; кстати, он получил твердую пятерку, хотя считал философию лженаукой). У Дани создалось ощущение, что мира вокруг не существует. Есть только минивэн, который освещал кусок дороги позади, и есть крошка мира, которую освещал его смартфон. Остальное исчезло в небытии.

На небе не было ни одной светящейся точки. Пока Даня спал, набежали тучи и проглотили звезды.

И стояла тишина. Птицы спали, никто не ехал по дороге, не было ни шума машин, ни воя ночных зверей, ни крика потерявшегося ребенка. Лишь иногда ветер шуршал листьями и колосьями пшеницы.

А Даня брел вперед. Слезы высохли. Сопли он вытер о футболку. Но в голове по-прежнему вертелся ураган из мыслей, который он перестал воспринимать. Лишь отдельные и самые яркие голоса долетали до его сознания.

Костя, Костик, сынок, мой дружок, куда же ты пошел?

Он сошел с ума!

Эта мысль показалась Дане реальной. Он задал себе вопрос – а что чувствовал бы он сам, если бы на его глазах его маме отрезали голову и выбросили в траву, как мешок с гнилой картошкой? Как бы он отреагировал? Разве не стал бы бегать вокруг трупа? Разве не бросился бы за головой в траву? Особенно если ему было бы три года и он знал, что у игрушек отваливаются головы, и все, что нужно, – это пришпандорить ее обратно. Вот и Костя наверняка хотел сделать тоже самое.

Безумие! Он спятил! И ты тоже скоро с катушек слетишь.

Я уже.

И снова вернулся вопрос – а почему так тихо? Тишина давила. Столько мыслей. Ладно, хрен с ним, это же глушь, тут лес, никто не живет. Но почему не ездят машины? Неужели тут край света? Ведь люди есть везде, где есть дороги.

Не в силах больше выдерживать тишину, Даня снова заорал что есть мочи:

– Костя!

Его голос прокатился по ночному полю, как лихач на «мустанге» по пустой трассе, потом нырнул в лес и затих, спрятавшись за деревья.

А затем кто-то из леса крикнул:

– Костя!

Даня вздрогнул и замер.

Кто-то кричал его голосом. Издевался. Пародировал его – убитого горем отца и мужа. Но пародировал так, что в голосе не слышалось горечи, а только усмешка. Этот кто-то стоял в темноте, смотрел на Даню и улыбался, держа за волосы отрезанную голову.

Дрожь прошла по телу. Волосы встали дыбом. Даня прислушался. Эхо стихло.

Он снова крикнул:

– Костя!

И снова его голос разлетелся по темноте и повторился, как и прежде, откуда-то из леса.

Не ходи туда.

Ты что, идиот? Там твой сын! Иди туда! Скорее.

«Не ходи, – твердила его трусливая часть, – там прячется нечто не из плоти и крови, а из самой темноты. Оно издевается над тобой, оно тебя заманивает. Дождись полиции! Не ходи туда!»

Но Даня заткнул трусливый голос и пошел дальше по кровавым следам в сторону леса.

Вот долбаный козел, и о чем он только думает. Что за человек, а? И почему я только вышла за него? В нем же нет ничего, что мне нужно. Он не стремится ни к чему. Да, может, он и уделяет Косте время, но вот какой из него пример? Смотрит киношки, играет в игры на компьютере, как маленький, ей-богу. Сколько раз я ему говорила, чтобы он поискал какую-нибудь другую работу? Да миллион!

– Мама?

Сколько раз я ему говорила, что он засиделся в своей должности. Нет, он, видите ли, уже привык, уже все знает и не хочет переучиваться. Прямо как гнилое бревно в лесу. Ну и черт с ним. Не хочет, как хочет. И почему я только вышла за него?

Потому что раньше он был не такой.

– Мама?

Ведь я выходила замуж за перспективного человека. Вспомни, каким он был активным! Он играл в группе, правда, какую-то херню, но это неважно, главное, что люди ходили на их концерты. А помнишь, как он любил дарить тебе цветы?

Помню. Однажды он принес мне маленький сухой букет садовых цветов и извинялся за то, что тот усох и скукожился, но это ведь ничего, ведь в январе и такой букет кажется чудом, как поляна спелой земляники посреди сугробов. А помнишь, как он подарил тебе полет на воздушном шаре? Ты тогда чуть в обморок не упала, когда вы поднялись в облака. Хорошо хоть в туалет перед этим сходила. Жаль, что кольцо к тому времени уже было подарено, хи-хи, в лифте, но это все неважно, ведь теперь...

– Мама?

...теперь семейная жизнь превратила его в тесто. Мягкое, податливое. Куда ни нажми, он на все согласен, лишь бы ему позволили поиграть в свои долбаные игрушки на компьютере. И гитару он давно уже забросил.

– Мама.

– Ну что, – воскликнула она, – что случилось?

Она не любила, когда ее отвлекали от собственных мыслей, от разбора кухни, от перебивки косточек ее мужа. Она ведь может забыть о чем-то важном, что подстегивает ее к разводу, на который она уже давно решила, но все никак не могла его обосновать до конца перед самой собой. Совесть нужно успокоить. Да, она-то сама решила, но что если потом совесть все-таки спросит с нее? Ведь она должна ей что-то ответить на вопрос, почему она разрушила семью, почему ушла к другому, почему бросила этого ленивого...

– Мама, Пуппа сбезал, – глаза Кости напоминали глаза грустного щенка, – мы послали сюда... я делзал его в луке, вот, – он показал пустую руку, раскрыл ладонь, – а тепель его нет, тю-тю.

– Ты уронил его?

– Он убезал, – сказал Костя.

Поскольку Катя была мамой не первый день, то поняла, что «убежал» с детского языка переводилось – я не слежу за своими игрушками, а когда теряю, то в этом нет моей вины, они сами убегают. Ах они какие.

Они шли вдоль поля пшеницы, спустившись с дороги. Минивэн остался позади. Прогуляться Кате было необходимо. Она начинала нервничать в присутствии Дани все больше и больше. Ей нужно было успокоиться. Это место как раз подходило, тут такой удивительно чистый воздух. От него кружилась голова. Все равно что глотнуть виски на голодный желудок.

Пшеница была до пояса, и Катя не позволила Косте бродить в ней.

– Там могут быть капканы, – схватила она его за руку и оттащила, – или крысы. Или змеи. Да все что угодно.

– Но я косю туда, ма, – завыл Костя, – там мозна платася, как индейсы. И стлелять из лука.

– Да, но у тебя нет лука, и что ты будешь делать, если на тебя нападет большая страшная собака?

Костя вздрогнул и посмотрел на поле уже с другим выражением. С выражением испуга. Он представил, как в высокой траве прячется большая черная собака с умными глазами и облизывается, поджидает его. Хочет схватить за ногу и забрать от мамы.

– Там плавда собака?

– Может быть. Давай просто пройдемся рядом и не будем проверять.

Костя согласился.

В лес Кате тоже не хотелось. Хватит им вдоль дороги побродить. Минут пятнадцать пройдутся туда-обратно, а потом разбудят этого ленивого господина. Даже до моря довести не может, чтобы не остановиться тысячу раз. То ему в гости к другу, то энергетик подавай, то поссать, то поспать, то зад почесать. Давно бы уже приехали. Еще позавчера, хотя выехали только сегодня утром.

– Мама, нужно забрать Пуппу, – сказал Костя.

– А куда он убежал? – спросила она.

Костя улыбнулся и пожал плечами два раза.

Папина привычка. Раньше она мне казалась забавной. Черт. Теперь все Данины ужимки мне кажутся отвратительными. Надеюсь, это пройдет. А то я буду смотреть на Костю с таким же чувством, и он наверняка заметит, когда будет постарше.

Костя прижимал к себе Нага. Катя испытывала к этой игрушке чувство, родственное с брезгливостью.

Робот будто сбежал из страшных комиксов. Голова большая, ноги маленькие, огромные зубы, как у щелкунчика, некоторых частей тела, как и одного глаза, не хватало. Будто Костя нашел эту игрушку на помойке.

Она подумала, что как только они вернутся и она сообщит Дане о разводе, то выкинет эту страшную игрушку в мусорку, и пусть Костя залетится слезами. Ему это даже полезно, ведь мужики должны проплакаться в детстве, чтобы потом, когда вырастут, не быть такими мягкотелыми, как ее муж.

Костя забудет этого робота, как только Олег подарит ему какой-нибудь игрушечный автомат, или нового робота на пульте управления, или даже вертолет. Олег как-то упоминал, что придумал подарок Косте на день рождения, если ее муж не возражает. Он не будет возражать. К Костиному дню рождения, девятому сентября, Даня не будет играть никакой роли в жизни Кости и ее, Катиной жизни.

Кроме, конечно, оплаты алиментов.

Поставим наконец жирную точку.

– Наверное, ты оставил его в машине, – сказала Катя, но она знала, что это не так.

Она видела, как Костя держал обе игрушки в руках, когда ее муж залезал в детскую комнату, чтобы поспать. Катя поэтому и потянула сына за футболку – обе руки у него были заняты.

Потом они спустились с дороги и побрели вдоль поля. Она погрузилась в свои мысли, а Костя шел справа от нее, подальше от трассы. И она не помнила, останавливались ли они, ронял ли он что-нибудь на землю. Наверняка она бы заметила.

Но она слишком была погружена в свои мысли, чтобы быть уверенной до конца. Тем более, она не держала его за руку, и он запросто мог куда-нибудь отойти, спрятать Пуппу в траву, а потом притвориться, что тот убежал. Костя же ребенок. Он любит игры. Он живет в волшебном мире, где игрушки оживают и убегают. Тем более, Костя уже так делал и раньше.

– Нет, он не в масыне, – сказал малыш. – Мы сли туда, а Пуппа выплыгнул и убезал. Я сказал «мама», ты не слысала. Ты смотрела туда и не слысала. А он убезал. Тю-тю. Надо искать.

Катя сжала губы. Как же ей не хотелось сейчас заниматься поиском вечно пропадающих игрушек. *Мама, я потелял пистолет, мама, я потелял книскку*, вечно он что-то терял. Ее достали эти нытики-мужики. Где же нормальные мужчины, которые могут сказать: «Так, женщина, успокойся и не реви, я все сделаю»? Нет ведь. Это она должна решать вопросы, она должна их успокаивать.

Она вспомнила своих родителей. Ее отец был таким же мягким, как и Даня. Поэтому они с ее мамой развелись. Похоже, яблоко от яблони...

– Найдем мы твоего Пуппу, – сказала Катя и про себя зарифмовала: «Пуппа – залупа».

– Мама, а сто такое «залупа»?

Унс, похоже, я сказала это вслух.

– Я не знаю, сынок, я просто так сказала. Придумывала на ходу.

– Мама, давай искать Пуппу?

– Сын, давай на обратном пути найдем его.

– Мама, ну мама, давай сейчас!

– Да что ты пристал ко мне с этим Пуппой?!

Костя опустил глаза в землю и заплакал. Он прижал Нага к груди.

Сердце матери дрогнуло.

Блин, ну что я делаю, подумала она.

– Ладно, малыш, прости, – сказала она ему и присела на корточки.

В этот самый момент на горизонте показался большой грузовик.

– Ладно, давай искать сейчас, прости меня. Что-то я себя плохо чувствую, поэтому так грубо ответила. Давай вернемся обратно, если тебе так хочется, и поищем его. Ладно? Раз уж он тебе так важен.

Костя кивнул.

– Вытри слезы, – сказала Катя, протянула руку и прикоснулась к пухлой щеке. Она улыбалась.

Костя вытер глаза маленькой ладошкой.

– Улыбнись, сынок, – сказала она ему, и он подарил ей улыбку. Последнюю. Глаза сына были на мокром месте, но они блестели от радости, ведь мама обещала найти его потерянную (*сбежавшую*) игрушку.

Приближался грузовик, громыхая на ухабах.

Катя выпрямилась, взяла Костю за руку, улыбаясь, посмотрела на горизонт, заметила черный силуэт машины и вздрогнула. Будто кто-то ткнул локтем ее в живот. Дыхание на секунду перехватило.

Вот оно. Вот он, грузовик. А вот маленький мальчик, которого она держит за руку. Она сразу вспомнила ту книгу, которую читала в прошлом году, у нее еще такое жуткое название, что в дрожь бросает только от одной обложки. Улыбка сползла с Катиного лица, и она вцепилась в Костину ладошку, будто сын был воздушным шариком и мог взмыть в небо.

– Костя, стой рядом, там едет большая машина. Очень большая.

– Где? Я не вижу.

Он и правда не мог видеть, потому что находился ниже уровня дороги. Он вытянул шею.

– Я хосю посмотреть!

– Когда она будет проезжать мимо, увидишь, – сказала Катя.

– Плоезать тут? – показал он рукой, в которой держал Нага, на дорогу.

– Да.

Грузовик приближался. Черный, большой и с прицепом. Он, как ястреб на охоте, мчался вперед с огромной скоростью. Из выхлопных труб над крышей вырывался густой дым.

Катя взглянула на их маленький минивэн. Маленький по сравнению с этим тягачом.

Она снова посмотрела на грузовик. В этот момент он вильнул, будто объезжал конус на автодроме. На секунду он пошел вправо, на обочину, а потом выправился.

– Боже! – воскликнула Катя и зажала рот рукой.

– Сто, мама?

А что если водитель грузовика уснул и влетит сейчас в нашу машину? А что если он пьян? Что если он потерял сознание или уснул за рулем? Что если он какой-нибудь долбаный псих, развезжающий по пустынным дорогам и сбивающий маленькие машины в кювет!

Заткнись, заткнись! Не будь как мама!

Вечно у ее мамы все вокруг обманывают и пытаются навредить другим. Ремонтная бригада разбрасывают наркотики по дому, чтобы подсадить твоих детей на марихуану, начальники воруют твою пенсию, политики грабят рабочих, а водители грузовиков – все маньяки и психопаты, нанявшиеся на такую работу, чтобы бродить по свету и выискивать заблудших путников.

Но Катя не могла успокоиться. Она поглядывала то на их минивэн, то на грузовик, который с каждой секундой становился все больше и больше.

Да он размером с танкер. С город!

– Мама, – Костя подергал ее за руку, – мама, там Пуппа на дологе! Мама, его надо ублать. Масына лаздавит его! Она его лаздавит!

Костя начал заливаться слезами. И Катя начала злиться еще сильнее.

Снова слезы. Да за что ей это? Разве она когда-нибудь показывала такой пример сыну? Да она плакала последний раз на своей свадьбе. Черт, и Костя не мог этого видеть.

Слезы вгоняли ее в нервное состояние. Чужие особенно.

Она стиснула зубы. И посмотрела на дорогу прямо перед собой. В центре дороги стоял Пуппа. Бравый солдат, герой, похититель сердец всех дам. Улыбающийся и подмигивающий Пуппа, который чем-то напоминал ей Олега. Напоминал этой самой легкой и уверенной улыбкой, напоминал тем, что Пуппа всегда одерживал победу над своим противником. И теперь он стоял прямо посреди дороги, на пути у грузовика-убийцы.

Но как он там оказался?

Ты знаешь как! Как и всегда! Мама, где мой Пуппа? Я потелял своего Пуппу, найди его! Найди, мамоська!

Помнишь, когда ты убирала квартиру и все игрушки, разбросанные по дому Костей, скидала в корзину. А потом нашла этого Пуппу – и кто только придумал это идиотское имя? – долбаного Пуппу на кухне. Ты могла поклясться всеми своими украшениями и пальцами правой руки, что точно бросила этого ублюдка в корзину с игрушками. Ведь так? Но нет, вот он стоит на столе, там, где игрушек вообще быть не должно. А когда ты спросила у Кости, он ли это поставил Пуппу, Костя только весело засмеялся, сказал, что Пуппа сам забрался, и убежал с ним в другую комнату. И что у него за игры такие? От таких игр точно с ума сойти можно.

Но если Пуппа на дороге, то, значит, этот мелкий засранец все-таки выбежал на дорогу, пока ты спала на ходу.

И чем ты лучше, чем твой ленивый муженек?

Я, по крайней мере, не сознательно ему разрешила выйти на дорогу и не смотрела, как он преспокойно бежит по ней.

– Пуппа! – завопил Костя. Он потянулся вперед, но Катя удержала его.

– Стой, дурной! Куда же ты идешь! Там машина...

– Пуппа!

Неважно, как он там оказался, теперь ему конец. Конец. Я не побегу за ним.

Но он наверняка будет нить всю дорогу до моря. Ты ведь знаешь, что его не так просто успокоить. Он будет стонать и стонать, а потом у тебя разболится голова. И эту

боль успокоят только две или даже три таблетки темпалгина, ты же знаешь, какие у тебя головные боли. А ты взяла с собой аптечку? Ты уверена, что там хватит обезболивающего на весь ваш отпуск? Ты же понимаешь, что деваться тебе некуда. Расстроить сына в самом начале единственного за последние три года отпуска – это равносильно попытке раскаленным оловом, влитым в дырку в твоём черепе.

Я успею. Три метра, и все. Зато стану героем в глазах сына. Это намного важнее сейчас. Да, так и есть. Я спасу Пуппу от грузовика, и Костя будет уважать меня, поверит в меня, он будет делать все, что я скажу, и я смогу его убедить, что папа бы никогда не спас его игрушку, что папа нам больше не нужен, точнее, папа нужен, но жить с ним мы больше не обязаны.

– Стой тут, – сказала она Косте, – стой тут! Понял?

– Ладна, – сказал он и замолчал.

Она выпустила его руку.

– Сейчас, малыш, я вернусь.

И она бросилась на дорогу. А в голове ее билась мысль: *ну и дура же я, самоубийца! А Костя все же получит ремня, когда мы приедем на море. Нет, лучше потом, когда вернемся домой. Да. И в задницу Даню с его гуманным воспитанием. Мужик должен хоть раз получить по жопе, особенно за такие вот фокусы! Нашел где играть! На дороге!*

До грузовика оставалось приличное расстояние, и Катя успела бы сбегать до Пуппы два раза. Она поднялась на насыпь, добежала до разделительной линии, схватила игрушку и бросилась обратно.

– Ай!

Руку пронзила острая боль, будто кто-то воткнул иголку в палец. Она дернула рукой и выронила Пуппу. Тот, будто дурацкий мяч, откатился обратно к центру дороги. А грузовик все приближался.

Долбаный Пуппа. Сучий выродок. Надо было оставить тебя на дороге.

Она опять бросилась к нему, наклонилась и схватила. Что-то снова впилось в руку. Но Катя решила разобраться с этим потом.

Я же не мой муж, не в моем стиле плакать.

В этот момент грузовик мотнулся сначала влево, в сторону Кости, но Катя рванула туда, и грузовик бросился в другую сторону. Вслед за нервной кабиной, мечущейся по дороге, прицеп открытого типа, нагруженный под завязку, совершил те же маневры, и сила инерции что-то выбросила из его чрева.

Из пролетевшей мимо Кати кабины донеслись крики.

Тупой водила, смотри, куда едешь, – это была последняя мысль, пронесшаяся в голове Кати, когда она уже не имела точек соприкосновения со своим телом.

Катя сделала еще два шага, а потом грохнулась в пыль обочины, так и не добрав до спуска с дороги. Пуппа выпал из рук и упал в придорожную пыль. Голова Кати скатилась с насыпи и пробежала около Кости.

Костя думал, что это мяч, что мама нашла мяч. Он не видел, как она падала. Он видел только большую машину, промчавшуюся рядом, и что-то пролетевшее мимо него, похожее на птицу. Это что-то воткнулось в землю.

Какая-то плоская штука.

– Шлюха, блядь! – заорал Коля, когда маневрировал на дороге. Но все же ему удалось объехать тупую суку, которая будто специально кинулась под его колеса. Куда он, туда и она.

Проезжая мимо нее, он крикнул:

– Ты, тупая овца, хули делаешь!

Он бросил злобный взгляд в зеркало заднего вида и увидел, как из его кузова что-то вылетело и снесло ей башку.

– Мать твою... – у него перехватило дыхание, и сердце остановилось.

Первое, о чем подумал Коля, – это лицо своего босса Ткача, который с видом барана, упершегося в гору, сказал:

– Нормально все, ниче не перегружен.

Коля говорил ему, какого хрена его грузят под завязку, ведь можно сделать несколько рейсов. Но нет, этот хер сказал:

– Топливо кто будет оплачивать? Это раз. И гору завалов надо убрать сегодня. Это два. Тем более, все же влезло.

– Но под завязку, Саня, – сказал Коля, – черт, а если кузов растрясет все говно, и оно повалится на дорогу? Мало ли, вдруг там чего может и всплыть?

Шары Ткача тут же вылезли из орбит, как поплавки со дна реки. Коля даже подумал, что сейчас босс набросится на него и укусит. А судя по надувшимся кулакам, еще и побьет.

– А ты езжай спокойней, Коля. И ничего не всплывет! – сказал он таким тоном, будто бросил гранату под фашистский танк.

Коля подумал, что слово «всплывет» относится и к нему тоже. Ведь Ткач знал про Натаху. Подлый говнюк. Да пошел он.

А второе, о чем вспомнил Коля, был один из рабочих, грузивших хлам в прицеп. Худая шпала, который говорил, будто в рот положил кусок говна или тряпку, обоссанную кошками. Из его рта ничего похожего на слова не выходило. Зубы гнилые, и мозги, похоже, тоже. Когда Коля сел в кабину и собирался тронуть, Шпала крикнул:

– Погодь, – но это было больше похоже на «поховь» или что-то типа того. Суньте шлюхе хер в рот и попросите ее сказать это слово, тогда поймете. Беззубый закинул какую-то пластину в кузов. Коля был настолько зол, что не стал останавливаться и смотреть, насколько хорошо лежит там эта хрень. У него даже и мысли такой не возникло. А жаль. Вот теперь у него появились проблемы.

Серьезные, мать его, проблемы! Настолько серьезные, что Коля уже видел, какая его ждет камера на зоне, какая там мягкая постель, приятная компания и экзотическая пища.

Сердце Коли вернулось к работе с удвоенной силой. Воздух ворвался в легкие.

И что теперь делать? Останавливаться или ехать дальше?

Он заметил справа минивэн, который пробежал мимо фуры и скрылся позади. А вдруг там есть видеорегистратор? А как же та пластина? Если он смотается, то оставит столько улик, что к вечеру он уже будет сидеть на железной скамье. Нет, нельзя уезжать. Копы его быстро вычислят. Блин. В тюрячку ни черта не хочется из-за тупой бабы, которая сама же на дорогу выскочила. Она сама виновата.

И что, кто-то тебе поверит?

Поверит. Или что? Думаешь, скажут, что я увидел бабу, остановился, достал из прицепа ту железяку, резанул телке башку и бросил оружие прямо тут?

Неважно. Если не оставишь никаких улик, то тебя вообще не найдут, и в суде не придется ничего доказывать. Хер с этой тупой бабой. Она, похоже, тут совсем одна. Никто не видел этого, значит, можно преспокойно все убрать и смыться.

Он стал медленно тормозить. Не хватало еще оставить отпечатки резины на асфальте.

Ох, лишь бы никто не проехал сейчас мимо. А то будут вопросы.

Костя смотрел на мяч, застывший в траве. Чем-то он напоминал голову. Из него тоже росли волосы. Волосы такого цвета, как у мамы, только измазанные красным. И еще у мяча

были уши, и сережки в ушах тоже были как у мамы. Он часто трогал эти серьги, когда она брала его на руки, чтобы присмотреться к красивым зеленым камушкам.

А где сама мама?

– Мама, – позвал он, – мама? Мне мозно подняся?

Он смотрел на край дороги, как скалолаз-новичок перед первым подъемом на вершину горы. Мама сказала ему стоять на месте, а если она так сказала, значит, он должен слушаться.

Однажды он уже не послушался ее, когда она просила не трогать те вертушки на большой железной штуке. Потом пахло дымом и дышать было трудно. Она тогда наказала Костю так сильно, что долго болела попа. И еще несколько дней она не разрешала смотреть ему мультики и играть на планшете. Даже папа не смог его защитить, хотя папа всегда был на его стороне, как бы он ни проказничал. Но в тот раз папа тоже встал на сторону мамы, сказал, что эту крутилку дети не должны трогать, что оттуда выходит дядька Жига, который жжется и съедает все, что стоит на этой железной штуке.

– Ма-а-а-ма-а-а.

Но он не мог тут стоять. Этот странный мяч с волосами начал пугать его. Из него доносились какие-то свистящие звуки. Как из его прабабушки, когда она болела и все время лежала на кровати. Он боялся прабабушки и боялся этого мяча. А еще что-то текло из него.

Надо просто пнуть его, и он сам тебя испугается.

Так сказал Пашка, когда они играли в песочнице в детском саду. Костя сказал ему, что боится вырезанного из дерева гнома, стоявшего около горки. После совета Пашки он так и поступил. Помогло. Но только до следующей прогулки. Поэтому каждый раз, как они выходили на площадку, Костя первым делом пинал гнома по деревянной ноге и потом спокойно бегал с остальными детьми.

Костя решил, что он не полезет вверх по насыпи, чтобы не нарушать обещание маме, но на мяч посмотрит поближе и попробует его пнуть, чтобы не бояться. Оглядываясь на дорогу, прижимая Нага к груди, он подошел к мячу и пнул его. Тот перевернулся и уставился на Костю маминими глазами. Рот был открыт, и из него вылезла змея, так похожая на язык.

– А, – сказала мертвая голова.

Костя заорал и бросился на дорогу.

Мяч победил. Он показал мальчику жутьку. И пока Костя взбирался по насыпи, задыхаясь и дрожа, выпучив глаза, перед его взором стояло это страшное лицо, так напоминавшее ему его родную мать. Но эта гримаса, застывший ужас, перекошенный рот, розовая змея изо рта будто сбежали из ночного кошмара. Зачем кто-то так его пугает? Зачем кто-то портит лицо его самой красивой мамы на свете? Он видел маму Пашки, и маму Светки, и один раз даже маму Равиля, но у всех его друзей мамы были не такие красивые, как у него. Так зачем кто-то так издевается над ее красотой? Это неправильно!

Коля вылез из кабины, поправил штаны, которые сползли почти до колен и оголили его копилку. Пятно от пива на штанах походило на пятно мочи. Он потер его рукой.

Да какая разница?

Он огляделся по сторонам. Никого. Прислушался. Тишина. Он пошел к минивэну.

Стоп. Похоже, он что-то слышал. Коля замер. До него донесся голос откуда-то из поля. Кто-то звал маму.

– Вот гов...

Судя по голосу, это был ребенок. Совсем еще малыш.

Черт, похоже, баба остановилась, чтобы ее дите могло поссать. И что теперь?

Решай вопросы. Сначала проверь машину.

Он направился к минивэну быстрым шагом, виляя толстым задом, потев и задыхаясь от активных движений. Увидел, что на лобовом стекле нет видеорегистратора, кабина пуста.

Значит, мамаша ехала одна с ребенком. Тем лучше. Что-нибудь придумаю.

Он побежал к телу. Но бегом это было трудно назвать.

– Мама? Мне можно подняться?

– Сиди там, сучонок, – прошептал Коля. Он представил, как малыш сидит в кустах со спущенными штанами, давит мороженое, а мамаша его разлеглась тут на дороге, как заправская шлюха, руки-ноги в стороны.

Ну и дичь же сегодня происходит. Ну и дичь! Мало мне беременной Натахи и тупого босса, так еще и мертвая баба.

Коля почти добежал до трупа, стараясь держаться левого края дороги, чтобы мелкий не увидел его, когда справа раздался детский вопль. По насыпи тут же взлетел пацан с перекошенной рожей и выпученными глазами, прижимающий что-то к груди. Он выпрыгнул так быстро, что Коля даже на секунду растерялся. А потом сообразил, что надо бы скрыть свое лицо. Коля натянул футболку до носа, оголив свое волосатое пузо. А мальчик замер, не пробежав и метра. Он заметил на дороге нечто, что когда-то было его мамашей.

Потом малыш посмотрел на Колю. Они сверлили друг друга взглядами, как дуэлянты.

«И что теперь? – думал водитель грузовика, – набросится на меня пацан? Будет бить? Запомнит меня? Опознает в суде? Составит фоторобот? Способны такие мелкие сопляки на это?»

Но Костя удивил Колю.

– Мама, – мальчик указал на труп маленьким пальчиком.

Не узнал свою маму без баини. Ну еще бы! Неудивительно, если вспомнить, что от малыши можно спрятаться, только прикрыв глаза. А тут вообще баини целой нет! Конечно, он ее не узнал.

– Мама, – подтвердил Коля, дыша через грязную футболку.

В этот момент с детской психикой произошло то же, что и с хрустальным шаром, который упал на мраморный пол.

– Мама, – повторил малыш, а затем из его нутра донесся какой-то странный звук. Будто он хотел заплакать, но тут же проглотил порыв. Секунду он молчал, а потом заорал на всю округу. И это был не просто плач, это был рев прайда львов, скорбящих над вожаком.

Костя бросился к маме, ступая по луже крови. Он трогал ее, гладил рукой, пытался разбудить. А вдруг она спит? А вдруг она шутит? Вдруг он ее не послушался, и она так его наказывает?

– Мама, мама! – кричал Костя. – я буду слушаться, я не буду больше баловаться!

– Мама... Мама устала, малыш, – сказал Коля.

А вдруг сработает? Вдруг дети в три года настолько тупые, что не знают, что баинку на место уже не пришить.

– Уста-а? – переспросил Костя, продолжая бегать вокруг трупа. – Мама, ты уста-а?

Ну и на хрен тебе сдался этот пацан? У тебя что, дел нет, чтобы подрабатывать детским психологом? Давай собирай улики и вали, а этим мелким займутся те, кто разбирается в них.

Коля заколыхал булками, спустился по насыпи, увидел голову в траве, почувствовал тошноту, убрал футболку от лица.

Пока пацан не видит, хоть подышу свежим воздухом.

Он сплюнул в траву. Тошнота быстро отступила. Он и не такое видел в свое время. Как-то раз в армейке они с Вафлей перевозили на старом ЗИЛе припасы. Ожидая очередного рейса, они сидели в кабине и курили. Он, Коля, за рулем, а Вафля рядом. Обсуждали своих дырок, которые наверняка их ждали на гражданке и ни с кем ни связывались.

– Моя боится меня как огня, – сказал Коля, – боится, потому что знает, что если я что-нибудь прочухаю про нее, то она будет иметь дело с этим.

Он напряг хилый кулак. Пузо было больше. Оно всегда было больше, даже в армии.

– Да и есть кому за ней присмотреть, – добавил Коля.

– Не боишься, что она может подкупить того, кто за ней присматривает? – спросил Вафля, улыбаясь.

– Не, – сказал Коля, – Леха – мой надежный товарищ. Доверяю как родному брату.

Через два месяца из письма Коля узнал, что ошибался.

Их колонна расположилась на горной дороге лицом к вершине под небольшим уклоном. Перед ними стоял КАМАЗ, груженный самоходным зенитно-ракетным комплексом. И то ли водитель КАМАЗа не дотянул ручник до конца, то ли трос ручника лопнул, но машина покадилась на их ЗИЛ, набирая скорость. Коля это заметил. Сначала он не поверил, что стволы самоходки приближаются. Потом подумал, что наверняка эти придурки за рулем сдают назад, чтобы совершить маневр. Но зачем, если впереди полно места? А потом он увидел водилу, который бросился к кабине из кустов слева. И тут Коля сообразил, что что-то пошло не так.

– А моя Варька не изменит мне, это факт. У нее семья такая, все верующие, если уж обручился, то до самой смерти...

В этот момент лобовое стекло их ЗИЛа лопнуло, и стволы ракетной установки превратили Вафлю в давленную ягоду. Сок залил всю кабину.

Вот это было зрелище. Сейчас крови было поменьше.

Коля увидел пластину, которая выпала из его прицепа. Он подошел к ней, выткнул из земли.

Все, готово. Пацан лицо мое не видел, пластины нет, следов на асфальте нет, рейс неофициальный, документов нет, видеорегистратора ни у него, ни у меня нет. Все четко. Теперь можно валить.

Он снова натянул футболку на лицо и пошел к грузовику. Он решил идти по яме, не поднимаясь по насыпи, чтобы не маячить рядом с пацаном, плачущим на дороге. Мало ли что с ним там может произойти. Ему всего-то потерпеть пока...

Пока что? Пока кто-то не придет? А тут вообще когда-нибудь кто-нибудь ездит?

Это была странная дорога. Дорога-неформал, дорога-отщепенец. Но это был удобный путь в обход, если ты не паришься за стойки своего автомобиля. Техника для уборки пшеницы за много лет поиздевались над асфальтом. А местные власти не особенно переживали за ремонт. Про эту дорогу знали люди, но предпочитали ею не пользоваться. Впереди ждала деревня, после которой дороги будут еще хуже.

И что? Пацан будет тут сидеть до второго пришествия? А когда оно будет? Может, и не будет? Он же сдохнет тут с голода.

А мне-то что?

Ты же мамку его замочил!

Черт! И что теперь? Я должен растить его? Сиськой кормить? Может, мне его домой взять? Познакомить с женой, сыном и дочкой? Сказать, знакомьтесь, это хер пойми кто, я замочил его мамашу. Привет, хер пойми кто, я Володька. Да? И вообще! Кто сказал, что я убил его мамашу? Я не виноват! Я ехал себе, пил пиво, а тут эта дура выбежала на дорогу. Я даже объехать ее успел! Я спас ее, но эта долбаная железяка, которую, между прочим, положил туда не я, а этот мудила беззубый, все испортила. Я говорил Ткачу, что я перегружен, но разве он послушал? Нет. Я тут не при делах! Я чистый! Пусть вон Ткач и разбирается. Позвоню ему и скажу...

Не вздумай никому звонить! Он расколется и тебя сразу сдаст. Ты че, идиот? Чем меньше людей знают, тем лучше. Понял? А то поплывет говно по трубам. И всплывет на реке.

Понял. Ну и все, пусть и пацан тоже не в теме будет. Уеду по-тихому. И он даже не узнает, кто я и что я. Вдруг забудет. А потом будут его менты допрашивать, скажет, что дядя был, они подумают, что ему приснилось.

Ага, и что башка у его мамы сама отпала. Да?

Он поднялся по насыпи, подошел к грузовику, закинул железяку обратно в кузов.

Надеюсь, не вывалится.

Сзади доносился тихий плач малыша.

Не поворачивайся, подумал Коля, это не твоя забота.

Он ухватился за ручку двери и замер.

Ведь он когда-то был таким же мелким. И он так же ревел, когда однажды батя оставил его одного.

Этот эпизод он помнил всю свою жизнь. Они были на рыбалке. Батя оставил его у реки с удочкой и червями, а сам улегся на возвышенности, на травке, на солнышке, нажрался водочки, храпел и пердел.

Коля так увлекся, выловил несколько мелких рыбок, посадил их в ведро, набрал туда воды. А когда рыбок стало много и они плавали в ведре целым косяком, Коля захотел показать отцу.

Он поднялся к лагерю, к костру. На углях к тому моменту вился слабый дымок, а багиной лежанки не было и в помине. Он уехал на своем ржавом велике, на котором они туда и прикатили.

Коля ждал его до самой ночи – боялся уходить.

Сначала он подумал, что батя мог угнать за дровами, или за прикормом, или еще за червями. Мало ли, а может, в магазин за водкой. Он сидел у реки до самой ночи. Потом он начал дрожать от холода. И черви все закончились. Он выловил столько маленьких карасей, что им уже было тесно в ведре.

Коля сидел и смотрел на дорогу. Ему было девять, и он ревел как баба! Потому что был далеко от дома, один, в лесу, хрен пойми где, и отец забыл его! Бросил! Оставил в лесу на съедение волкам!

Но батя вернулся. Около полуночи, когда Коля начал хрипеть от холода. И он почувствовал облегчение, потому что отец не бросил его. Он просто забыл Колю по пьяни. Это было лучше. Немножко, но лучше.

А кто вернется за этим малым? Он намного дальше от цивилизации, и ему меньше лет. Ему где-то три или четыре. А может, и два. Коля не мог определить возраст, хотя у него было двое детей. Когда-то у него была еще одна девочка – Дашка, самая мелкая. Но она заболела чем-то, когда ей было два годика, и умерла. Она научилась говорить только «масть» и на этом завершила свой земной путь.

– Жалко пацана, бляха, жалко.

Он отпустил ручку двери.

Хорошо. Посади его в грузовик, довези до деревни, тут километров двадцать ехать, и оставь. Там есть маленький магазинчик, около него и высади. А лучше не подъезжай к магазину, лучше останись где-нибудь на трассе и пешком донеси пацана. Но прими все меры предосторожности, чтобы пацан не орал и чтобы он не видел твою кабину и твою розгу. Ты же не сможешь прикрывать харю футболкой, когда крутишь баранку. Да? Завяжи ему глаза. И скажи, чтобы не снимал повязку.

Думаешь, вот так и послушается?

Ну тогда свяжи его. Это лучше, чем оставить его тут с мертвой мамкой. И давай скорее, а то чую я, что кто-то сюда уже едет.

Он посмотрел на малыша. Блин, жалко пацана. Во всем виноват Ткач. Эх, если бы можно было это объяснить малышу. Если бы можно было бы договориться с ним, сказать – *пацан*,

посиди ровно, а я отвезу тебя куда надо, но про меня ничего не говори, потому что меня посадят, а я не виноват, то он – Коля – конечно бы прибег к другим методам. Но сейчас он другого выхода не видел. Мальчик не знает еще, как работает судебная машина, как работает мир взрослых, он не знает, что засудят не только Колю, Ткача, беззубого, но и эту металлическую пластину, грузовик, дорогу и всех вокруг. Всем достанется. Если, конечно, его, Колю, вычислят.

Ладно. Я все сделаю. Сейчас все будет.

Коля залез в кабину, порылся в бардачке, нашел моток веревки. Однажды этот моток ему очень пригодился, когда на рыбалке Коля провалился в болото по шею. Пришлось сушить одежду у костра на веревке. Повезло тогда с погодой, можно было гонять в трусах и сапогах по лесу, и никто даже его не застал в таком виде.

Он вылез из кабины и направился к Косте, натягивая футболку до носа.

Может быть, эта предосторожность и лишняя, подумал он, *но хуже от этого не будет.*

Мальчик все еще бегал вокруг мамы, прижимая что-то к груди. Когда Коля подошел к нему, то Костя указал на минивэн и сказал:

– Папись.

– Че, парень? В туалет хочешь? – спросил Коля. – Придется потерпеть. Я не поведу тебя ссать.

Костя непонимающе уставился на дядю. Он показывал пальчиком на машину, на которой он приехал, и просил позвать папу.

– Папись? – спросил он еще раз. Вдруг дядя просто не понял его. Взрослые часто понимали его только раза с пятого. И он предполагал, что все взрослые глупые, поэтому они переспрашивают. Может, они просто старые, и у них мозги тоже старые? Поэтому они так туго соображали. Как его больная прабабушка, которой он так боялся.

– Так, пацан, нам надо ехать. Надо вызвать доктора. Понял? Надо твоей маме привезти доктора. Она у тебя совсем устала, и ей нужен доктор.

– Доткай? – спросил Костя и посмотрел на маму.

В его глазах появилась надежда. А ведь правда, ей нужен доктор. Он поставит ей укол, и она снова будет ходить, и у нее вырастет новая голова, такая же красивая, как и раньше. А может, ей смогут поставить обратно ту голову, которая лежала в траве.

– Так что давай, пацан, пойдем со мной.

Коля хотел протянуть руку, но тогда пришлось бы отпустить или футболку, или веревку. Он надеялся, что пацан пойдет сам и что удастся уговорить его надеть повязку на глаза, которую он сделал из носового платка. Да, в нем было немного засохших козявок, но это сейчас вообще не стоило внимания.

– Папись? – снова показал Костя на минивэн.

– Можешь поссать прямо тут, вот отойди только в сторону, чтобы на маму не попасть. А то она будет не очень довольна, когда доктор ее починит.

Коля поглядел на горизонт, откуда приехал, потом обернулся и посмотрел в противоположную сторону. Надо торопиться. Шестое чувство подсказывало, что кто-то сюда едет. И сейчас был самый не подходящий момент, чтобы попасться. Он стоял тут рядом с трупом, склонившись над малышом, прикрывая футболкой лицо, с веревкой в руке. Хороша картина.

– Пацан, некогда ссать. Поехали за доктором.

– Папись. Пуппа, – сказал Костя.

Вот тупой, – Колино терпение кончилось, – *если кто-нибудь мне скажет, что я не дал ему шанс, то пошел ты на хер, кто бы ты ни был.*

Коля отпустил футболку, и та открыла его лицо. Водила шагнул к Косте, резким движением набросил на него веревку, затянул петлю и стал скручивать свою жертву, как паука. Маль-

чик сначала удивленно хныкнул. Его руки были прижаты к груди, он что-то держал. Что бы там ни было, оно останется с ним, лишь бы не бомба.

Спустя секунду Костя закричал:

– Папись! Пуппа! Папись! Пуппа!

– Пацан, лучше бы тебе замолчать, – Коля завязал узел и закрыл мальчику рот своей ладонью. – Парень, заткнись.

Он поднял малыша на руки, взял как охапку дров под мышку и быстро пошел к грузовику, удерживая крик мальчика своей рукой.

Костя дрыгал ногами и пытался укунить ладонь дяди. Ладонь пахла сигаретами и пивом. А еще чем-то сладким и соленым. И была очень влажная. Как та рыба, которую Костя выловил из аквариума, когда они ходили с мамой к тете Ане. Рука была такая твердая, что маленькие зубы не могли сделать ей больно.

Костя плакал и пытался кричать. Получалось только мычать. Внутри него металась мысль, которая не могла найти выход наружу: почему они не разбудили папу и не взяли с собой Пуппу? Его нес куда-то этот странный толстый дядя, сначала обещал вызвать доктора, а сам обманул. Наверное, он, как та страшная тетя из книжки, привезет его к себе домой и заставит работать, мести полы, готовить еду, и Костя будет жить на деревянной лавочке в углу кухни.

От таких мыслей Костя совсем разволновался. Что случилось? Ведь только что все было хорошо? Они ехали в путешествие, мама и папа были рядом, Пуппа и Наг были с ним. А затем сбежал Пуппа, а потом и мама. И потом появился этот толстый дядя. И с его появлением мама заболела, а Пуппа вообще пропал. Это дядя виноват. Он плохой. И от него пахнет *плохом*. Хорошо еще, что Наг остался с ним. Вот он, держит его у груди.

А потом мир исчез. Кто-то закрыл ему чем-то глаза. Это была не рука. Это была какая-то тряпка. Но Костя и так уже почти ничего не видел. Глаза застилала слезы.

Он дрожал и больше уже не мог кричать. Он начал икать от своего рева, и кричать стало тяжело.

Он погрузился в какое-то странное состояние, когда горе настолько сильно, что уже и жить не хочется. Хочется только уснуть, провалиться в темноту и обнимать единственного, кто у тебя остался, – Нага, который сегодня одержал первую победу над Пуппой. Злым Пуппой, который обманывал всех, притворяясь добрым солдатом, но Костя теперь про него все знал. А раньше он думал, что Пуппа – славный парень, и некоторое время он позволял Пуппе быть победителем, пока не узнал, что Пуппа решил захватить власть не только над всеми его игрушками, но и над всем миром.

Наверное, даже хорошо, что Пуппа сбежал, подумал Костя и провалился в сон. Тревожный сон, вызванный перенапряжением и волнением. Больше похожий на потерю сознания от стресса.

Малыш замолчал. Коля расслабил ладонь, отпустил рот.

Вроде бы дышит. Вот и хорошо. Видимо, он отключился.

Из носа натекали сопли и изгадили руку. Коля вытер ее о штаны.

– Вот, полежи пока тут, – он положил Костю на задние сиденья в кабине грузовика. Пристегнул малыша, вдруг тот свалится, если будет ворочаться во сне. Потом Коля быстро перебежал на свою сторону, сел за руль и вдавил педаль в пол.

– Валим отсюда, валим, – сказал он и устремил свой взор в зеркала заднего вида.

На секунду ему показалось, что труп не лежит на дороге, как сбитая кошка или как грязная тряпка, а стоит. Она стоит без башки и машет ему рукой. Будто говорит – *пока-пока, прокатитесь там, проветритесь, а я пока голову поищу. Но обязательно возвращайтесь! Привези мне сына, иначе я сама тебя найду.*

Мелкая дрожь пробежала по жирному Колиному телу. Его бросило в пот. Холодный пот. Он моргнул. Ни хрена, она все так же лежит на своем месте.

– Жуть, жуть какая, – прошептал он. Потом посмотрел на Костю. Парень все пускал сопли и молчал. И правда уснул.

– Прости, парень, скоро все пройдет.

Все заживет, ага? И мамка вылечится! Ну ты и дурень! Наплел тут про доктора.

А что мне оставалось делать? Сказать, что все, капец, мамаша сдохла, и у нее была последняя жизнь? Что континьюсов не осталось? Нет уж. Увольте. Пусть психологи разбираются, а я не шарю в этом говне.

Он давил на газ, и грузовик набирал полный ход. Коля бегал глазами по зеркалам, а потом снова возвращался к дороге. Он ждал, что в любую секунду мог появиться попутчик или встречный проезжающий. Что он тогда будет делать?

Он скрестил пальцы. Береженого Бог бережет.

Даня брел в темноте.

Он так далеко ушел, что когда поворачивался к своему минивэну, видел только маленькое светящееся пятно не больше мотылька. А поле все не заканчивалось.

Его руки покрылись мелкими порезами о траву и чесались, но он продолжал идти по следу, как настоящая ищейка. А след все тянулся и тянулся.

Даня уже не верил, что эти черные пятна были пятнами крови Кати. Даже во всем ее теле не было столько крови, чтобы протянуть такой длинный след по траве. А уж в голове тем более. Но он все равно продолжал идти, потому что не видел другого выхода. Стоять на месте он не мог. Единственный след, какой он нашел, – эта примятая кровавая дорожка в поле. И ему представлялось логичным, что нужно ей следовать.

Он иногда поглядывал на часы. Ему казалось, что время вообще стоит.

И сколько он уже прошел? Километр? Два? Пять? Он не знал и не мог определить. В темноте все казалось другим. Расстояния изменились, будто темнота искажала пространство и нарушала законы геометрии. Ему казалось, что в двух метрах от него, куда не доходит свет фонаря, нет физики. Там черная дыра, другие законы, которые даже физическими назвать нельзя. Законы тьмы, законы отсутствия пространства. Быть может, там все плавают, в этой черноте, как пузырьки в газировке. Может быть, там бесконечность, и если ступишь туда, то окажешься в вечности.

Все эти мысли пугали Даню. Но еще больше его пугало то, что сын его находится там без фонаря, даже такого слабого, как у него. Он в темноте, с мертвой головой, которая поет ему песни.

Ну хоть в компании.

Эта мысль не насмешила его, а еще больше напугала.

Даня корил себя всю дорогу. Это он виноват. Он безнадежный идиот. Как мог оставить своего сына и жену одних тут, посреди незнакомого леса? Он должен был думать о Косте. Он мог бы выпить еще энергетика и доехать до ближайшего мотеля. А вместо этого?

Он услышал сзади шуршание травы. Он обернулся и замер.

Это кто-то шел за ним?

Он выдержал две или три минуты не двигаясь.

Тишина.

Показалось.

Он посмотрел на пятно света от фар минивэна. Полицейские все еще не приехали.

Даня пошел дальше. Он снова выкрикнул имя сына, и кто-то ответил ему из леса. Кто-то поджидал его. И этот кто-то становился ближе. С каждым разом он отвечал все раньше, и голос был слышен все сильнее. Даня приближался к этому существу в ночи, в лесу, в темноте.

Я не боюсь тебя, твердил Даня, я не боюсь. Я иду за сыном, и ты меня не испугаешь.
Страх притупился горем.

Страх притупился ненавистью к тому, кто разрушил его семью. И если этот клоун в лесу – тот самый, кто убил его жену и украл сына, то он поплатится.

Даня его не боялся, а наоборот, он жаждал встречи, жаждал расплаты.

Он никогда не дрался, но это не потому, что он не умел, а потому, что он раньше не видел смысла в драке. Но теперь он понял, что видит еще какой смысл. Смысл в насилии над тем, кто убил его Катю.

Даня видел, что сделает с этим подонком. Схватит за яйца, а потом дернет изо всех сил. То же самое он сделает с языком, когда урод будет плакать и корчиться на земле. Даня ступит ему на горло, вытащит его розового слизня изо рта и будет тянуть, пока не вырвет с корнями. И выколет мудаку глаза. Будет издеваться, пока тот будет дышать. Будет его унижать, как тот унижил его жену, как унижил сына, как унижил его, причинив боль самым слабым членам его семьи.

Ты еще пожалеешь, тварь!

– *Костя*, – послышалось из леса.

Даня задумался, а кричал ли он перед этим? Или теперь этот спрятавшийся в лесу сам проявил инициативу?

– *Костя*.

Даня остановился. Сейчас он точно молчал.

Значит, это было не эхо.

Он вздрогнул.

Ему было намного проще идти вперед, когда существовала большая вероятность того, что этот голос был плодом его разыгравшегося воображения. Что этот голос был просто эхом. Легко представлять, как ты сражаешься с врагом, осознавая, что никто не ждет тебя впереди. На самом деле Даня не рассчитывал встретить в лесу затаившегося убийцу. Он надеялся найти сына.

Но теперь он осознал: кто-то и правда звал его. Все это время, пока он шел по следу и слышал звук эха. Кто-то звал его, используя имя его пропавшего сына. Нет, не звал. Он подзывал. Как подзывают уток на охоте манком, как подкармливают рыб хлебом. Его прикормили именем сына.

Пропавшего сына.

Единственного.

Даня проглотил ком.

Он может убежать, дожждаться полиции, прийти сюда вместе с ней. Но разве этот кто-то не сделает все, чтобы наказать его за бегство? А если Костя у него (а скорее всего так и есть), разве он не разделается с малышом?

Нет, бежать нельзя. Нужно перехитрить врага.

И Даня позвал:

– *Костя!* – делая вид, что он по-прежнему думает, что это эхо раздается в лесу. Только на этот раз эхо звучало раньше, чем его голос. И Даня старался ему тщательно подражать.

Как мне с ним драться? Я даже не взял ничего тяжелого. А мог бы взять хотя бы гаечный ключ.

Он повернулся к минивэну. Если он пойдет обратно, то это займет слишком много времени. А его, как предполагал Даня, оставалось мало.

Даня вспомнил Толяна, с которым они учились в универе. Толян был отчаянный любитель подраться по пьяни. И он научил Даню одному приему самообороны, когда они жили в общежитии.

– Даня, ты хоть раз дрался с кем-нибудь? – спросил Толян. Они стояли в курилке.

– В детском саду и во втором классе, – ответил Даня. Он не курил.

– Понятно. Ну а что ты будешь делать, если, допустим, ты гуляешь с телочкой, а к тебе подваливает какой-нибудь поц и хочет тебе дать в харю и забрать твою телку?

– А разве у гопников нет закона, что парней с телочками нельзя бить?

– Ты в каком мире живешь? – спросил его Толян.

– Я думал...

– Если ты так думал, то ты никогда не был в моей деревне. Тебя там могут отмудохать, даже если ты идешь под ручку со своей мамой, бабушкой и всеми своими тетями. Бабы никого не остановят.

– Тогда мне кранты.

– Нет. Если запомнишь один прием. Когда к тебе подваливает кент и ты понимаешь, что он подошел не просто стрельнуть сигу или хлебнуть твоего пивка, то тебе нужно принять быстрое решение и ударить первым. Не думай, просто делай. Будешь думать – получишь в хлебальник, потеряешь зубы. Но не бей как телка. Ты должен сделать все правильно. Вот он подошел к тебе и буровит на тебя своей харей – толкни его вот таким движением, – Толян быстро стрельнул рукой и толкнул Даню в лоб ладонью, не ударил, а именно толкнул, но так неожиданно и резко, так уверенно, что голова Дани завалилась назад, и на секунду он увидел потолок вместо Толяна. Он кое-как удержался на ногах, даже поднял руки для равновесия, а потом вернулся к обычному положению, как маятник или как метроном.

– Видишь, ты потерялся. И он потеряется. А как только ты откинешь его голову назад, то выбрасывай кулак, – Толян медленно показал, – и бей ему в нижнюю челюсть. Главное, не зажимай большой палец в кулаке, а то сломаешь. Если все сделаешь правильно, то сразу выключишь падлу. Усек?

– Усек.

Дане так и не пришлось воспользоваться этим советом. Но сейчас он вспомнил все до мелочей и повторял про себя последовательность движений. Ладонь отталкивает голову и кулаком в нижнюю челюсть. Усек.

– *Костя!* – кричали из леса, чуть ли не смеясь.

– *Костя!* – кричал Даня и шел навстречу противнику, сжимая кулак.

Сзади снова донеслось шуршание. Даня остановился, прислушался. На этот раз звук остался. Что-то шуршало. Далеко, может, в пятидесяти метрах, но он отчетливо слышал, как кто-то шебуршится в траве.

Даня повернулся. Посветил фонарем в ту сторону.

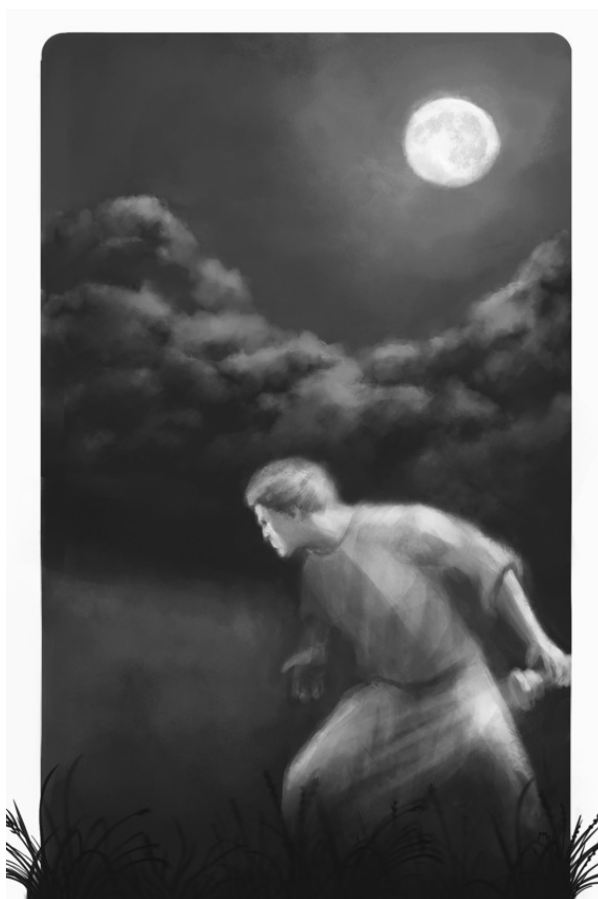
Кто-то его преследовал. Кто-то шел за ним. Кто-то полз за ним в траве.

Крысы? Змея? Дикая собака? Какие-нибудь полевые грызуны или...

Или Катя.

Даню пробрал холод. Кожа покрылась мурашками.

Это Катя. Она ползет за ним по траве, как уродливый четырехлапый паук, вместо головы у нее обрубок шеи, который вытянулся в толстый хобот. Она обнюхивает этим хоботом землю, всасывает мелких насекомых в свое мертвое нутро. Она идет по его следу. И когда доберется, то выпрыгнет из травы, схватит его мертвыми конечностями, которые будут хрустеть от трупного окоченения, прижмет его к земле и прильнет к его лицу толстым холодным хоботом-шеей. И начнет высасывать из него жидкости, кровь, слюну, глаза! Он почувствует, как вылезут его глаза, как они лопнут и покинут свои насиженные места. Как мозги вытекут через нос вместе с кровью!

Звук приближался. Что бы это ни было, Даня не хотел проверять. Он повернулся и побегал.

Фонарь качался в руках. Он бежал наугад. Он бежал вперед, надеясь, что это поле кончится раньше, чем та тварь успеет добраться до него.

Пробежав сотню метров, он остановился. Он тяжело дышал. Он поискал следы крови на траве. Вот они. Даня прислушался. Хотел узнать, преследует ли его еще то существо.

За тяжелым дыханием сложно было что-то расслышать. Но что это? Да. Он слышит. Трава шуршала. Громче. Оно скользило по земле как змея, преследовало его. Даня снова побегал.

В голове стучало, как в требующем ремонта станке. Уши заложило, в боку начало колоть. Но Даня бежал.

Бежал от своей мертвой жены. Она вернулась, чтобы отомстить ему. Вернулась, чтобы высказать все, что не успела при жизни. Обвинить его еще раз в том, что это он во всем виноват. Если бы не он, то она была бы жива, и Костя был бы с ней. А он разлучил их.

И тут поле закончилось так внезапно, что Даня даже сначала не поверил. Он вылетел на какую-то размытую дождями и изрытую техникой дорогу в глубоких колеях.

Он запнулся и полетел вперед, выставив руки. Он грохнулся и ударился грудью об кочку. Дыхание перехватило. Но он тут же вскочил, повернулся к полю и выставил руку с фонарем вперед, а в другой руке держал свой кулак, который последний раз бил человека во втором классе на перемене, когда защищал Женю Судакова от Саши Жернова. Они не поделили булочку. Ах, эти проблемы второклассников. Они уже давно в прошлом. Сейчас нужно было справиться с ползающими по высокой траве мертвецами и похитителями детей.

Шуршание затихло. Даня ждал. Сердце гулко стучало в груди. Он слышал только его. И свое дыхание. Он присел, смотрел на край пшеничного поля и ждал, когда трава расступится

и оттуда выползет нечто. По крайней мере, он его увидит и сможет оценить свои силы, справится ли он или нужно бежать сломя голову.

Но никто из травы не появился. Даня больше не слышал ни малейшего шуршания. Оно притаилось.

Он еще посидел на корточках, поворачивая телефон то в одну сторону, то в другую. Потом он осторожно встал и попятился, держа в поле зрения тонуший во мраке участок дороги, где он выбежал из травы.

Потом повернулся к лесу. И присмотрелся.

Стена деревьев высилась перед ним. А в лесу царствовала такая тьма, что все, что было до этого, казалось белым светом. Дане лес казался плотным, что там не пролезла бы даже муха. Но это все было из-за темноты, она заполняла пространство между деревьями, как вязкий соус. Как бы там не прилипнуть, в этом соусе.

Даня медлил. Он шел сюда с единственной целью – спасти Костю из лап кого угодно. Но сейчас он уставился на этот плотный лес и думал-гадал, а стоит ли ему туда идти. Ведь он и сам может потеряться.

А еще он ощущал, что в лесу кто-то есть. Наверняка. Там кто-то прячется за деревьями. Кто-то смотрит на него из-за дерева из темноты. Даня был виден издали со своим фонариком.

Что-то поджидало. Готовилось. И может быть, даже не одно. Наверняка не одно. В лесу обитает множество существ, которые так и ждут, когда к ним забредет человек. Особенно тут, в глубинке, вдали от деревень и городов. Какие-то древние существа, которых выгнали со своих мест люди, уничтожив лес, и теперь они могли прятаться только тут.

Перед глазами встала улыбающаяся мордочка Кости. В ушах звучал его залиvistый смех.

Этот смех он унаследовал от своего папы. Даня в школе был тем еще весельчаком. У него было много друзей благодаря его смеху, благодаря его умению вовремя пошутить.

Даня обычно в компаниях не особо трепал языком, но если уж шутил, то всегда встречал одобрительные смешки. А когда заливался сам, то все вокруг вторили ему просто за компанию, даже если и не знали причины веселья.

Костя умел так же.

Но сейчас малышу было не до смеха.

Даня подумал, что если он хочет еще раз услышать смех сына, то ему нужно ступить в этот проклятый лес, населенный опасными существами, которые могут преследовать его, скрываясь в траве и прячась за деревьями.

Таящийся в лесу уже молчал последние несколько минут. С того самого момента, когда Даня узнал, что за ним кто-то пробирается в траве. И действительно, зачем ему выдавать себя? Он приманил Даню и знал, что сейчас тот уже не отступит, не сбежит. Вот он, как на ладони.

– Костя! – неожиданно для себя крикнул Даня, но эха больше не было.

Лес молчал.

– Костя!

Тишина.

Слабый ветер иногда обдувал его мокрую от пота спину и шевелил кроны сосен. По меркам города это была гробовая тишина.

Все умерли!

– Эй, козел! Да, ты, мудака, выходи сюда и веди моего сына! – заорал Даня.

Тишина.

– Эй! – заорал еще раз Даня и услышал, как в темноте кто-то сказал: «Эй». Не кричал, не звал, как это сделал Даня. Этот кто-то просто холодно произнес «эй», как говорят, когда отвечают на вопрос, который уже давно надоел.

Даня примерно определил то место, откуда донесся голос, собрал всю волю в сжатый кулак, готовый впитаться в чье-нибудь лицо, и вошел в лес.

Он не видел, куда ступает, он светил фонарем вперед, боясь залезть в паутину с каким-нибудь жирным тарантулом-людоедом. Боялся выколоть себе глаза ветками или сучьями, боялся упустить момент, если кто-нибудь выглянет из-за дерева.

Что это справа?

Он повернулся и замер.

Кто-то там был? Кто-то шевельнулся? Кто-то спрятался за дерево?

Даня шепотом позвал:

– Эй, мудила, это ты там прячешься за деревом?

Или это был тот куст, который качается от легкого ветерка?

Он посветил налево, потом снова направо.

– Я тебя видел, – сказал Даня. Подождал несколько секунд.

Даня изменил курс и направился в сторону того куста, который, как ему казалось, шевелится.

Что-то мелькнуло слева.

Он резко обернулся.

Показалось?

Снова справа.

Он снова повернулся.

Что за дерьмо? Что это? Их несколько? Если да, то ему будет сложнее. Ему нужно оружие.

Он посветил под ноги. Нашел сучок, поднял его и зажал в руке, как кинжал. Если такой воткнуть в горло, то деревяшка легко пробьет артерию. Или можно всадить его в глаз. Даже такое вялое оружие сейчас было кстати.

Даня снова посветил по сторонам.

– Я вижу тебя, урод, у тебя нога торчит!

Но никакая нога нигде не торчала. Он видел только деревья, кусты и темноту, окутавшую лес.

И что-то постоянно где-то шевелилось. То справа, то слева.

Вот опять.

Тени, отбрасываемые деревьями и кустами, превращались в уродливых тонкоруких кривых существ. Они следили за ним, отвлекали. А когда Даня светил на них, то замирали, приотворялись деревьями.

Пока ты тут каждые два метра тормозишь, кто-то может сделать твоему сыну плохое. Тебе надо действовать очень быстро, сделай вид, что тебе не страшно, рвани вперед, загляни за это долбаное дерево.

Да, так и сделаю.

Он еще раз посветил по сторонам. Кто-то определенно тут был. Он ведь видел какие-то мелькающие тени. Ну ничего, рано или поздно он их найдет. А если будет двигаться медленно, то они так и будут от него прятаться. Надо быть как они – резким.

И он рванул вперед, к тому дереву, за которым спряталась очередная тень.

Он пригнулся от веток, смотря по-прежнему вперед.

Он представил, как забежит за дерево, увидит удивленного парня, который думал, что перехитрил Даню. Как тот испугается, и его улыбка сползет с лица, когда Даня воткнет ему сучок прямо в глаз. Вот и посмотрим, кто кого.

Даня добрался до сосны в три счета и заглянул за нее.

Никого. Он так разволновался и так быстро двигался, что чуть не задохнулся. Грудь поднималась и опускалась, дыхание вырывалось с шумом.

Он обернулся. Осмотрелся.

Этот мудака смотался раньше. Не стой, беги, ищи. Как в Quake 3: будешь стоять – убьют нахрен. Туда, вон, видишь?

И да, он видел. Кто-то стоял слева. Луч телефонного фонарика не мог дотянуться до того места. Но Даня видел, что там кто-то стоит. Рядом с большой сосной, которая дотягивалась до самого неба. Он стоял неподвижно и смотрел на Даню. Он ждал. И даже не пытался спрятаться.

Даня напряг кулак.

Толкай бабку, а потом бей прямо в челюсть, напомнил Толян в его голове.

Даня сделал шаг и провалился.

Он не смотрел под ноги и наступил на трещину в земле. От неожиданности он заорал. Ему показалось, что он сунул ногу в рот существа, спрятавшегося в земле, и сейчас оно откусит ему стопу или, еще хуже, утащит в свою нору.

Он успел заметить, как тень у дерева метнулась в сторону.

А затем Даня заткнул рот рукой, посмотрел на землю и понял, что никто не жрал его ногу. Он вытащил ее из щели и осмотрелся. Никто на него не набросился.

Но тень около дерева пропала. Значит, кто-то там был. И этот кто-то убежал.

Может быть, это Костя? Может, он не узнал его? И поэтому убегает.

– Костя! – закричал Даня. – Сынок! Это папа!

Голос утонул в лесу. Деревья проглотили его слова.

– Костя!

Даня направился туда, где видел тень. Осмотрел землю. Следов не нашел.

Снова движение справа. Он замер, пригляделся.

Оно пытается меня запутать и напугать. Ничего у него не выйдет.

Даня бросился вправо. Он решил действовать быстро. И на этот раз он смотрел под ноги. И старался пригибаться от веток. Он залез в несколько паутин, он срывал их с лица рукой и снова прыгал от дерева к дереву. Он видел тень то справа, то слева. Но он был уверен, что поймает ее. Его? Оно не сможет убегать вечно. Вот он снова увидел тень за соседним деревом.

Даня бросился вперед, и тут он наткнулся на кое-что интересное. Он остановился.

Он увидел впереди небольшую прореху в лесу, полянку, если можно было так назвать площадку шириной в рост человека, в центре которой торчал большой пень. А на этом пне что-то лежало. Что-то, напоминающее болотную кочку, поросшую травой.

Даня поднял фонарь, и его руки задрожали.

Это была чья-то голова, повернутая к нему затылком. Грязные волосы разметались по пню. По ним ползали муравьи. Голова стояла на пне, как на выставке, или как чурбан, который приготовили, чтобы разрубить колуном.

Даня обратился в камень. Руки вспотели. Кулак дрожал, и если бы пришлось кому-то сейчас вклеить в челюсть, Даня бы точно промахнулся.

Он узнал эту голову. Конечно, узнал. Он видел столько раз ее затылок, когда она отворачивалась от него в постели, чтобы написать кому-то эсэмэс. Отворачивалась от него, чтобы выйти из комнаты, кипя от злости, и хлопнуть входной дверью. Отворачивалась от него, когда они ходили по торговому центру, она говорила, что любит делать покупки одна, когда ей никто не мешает. Она отворачивалась от него всегда. И даже сейчас, в смерти, она отвернулась от него.

Я никогда не любила тебя, произнесла она.

Даня чуть не выронил фонарь. Он открыл рот. Слова застыли на языке.

Ты бездельник. Ты заикленный на одном и том же, как морская свинка в колесе, бежишь и бежишь по кругу и не двигаешься с места. Ты бездарь, ленивый и толстый. Ты ни на что не способен. Только и знаешь, что живешь в своем мире фантазий. Ты как аутист, оторванный от реальности. А у тебя, между прочим, тут, в реальности, есть сын. Но из-за своих дурацких мечтаний ты никогда не умел присмотреть за ним. Помнишь, как однажды ты позволил ему выпить жидкость для разведения краски для волос? Если бы не я, то у нашего

Костика уже была бы язва. А ему всего-то было два года тогда. Ты хотел погубить его жизнь с самого рождения. А еще тот случай, когда ты купил испорченный йогурт и начал кормить Костю. Хорошо, что он стал громко реветь, и прибежала я. Ты бы так и накормил его этим дерьмом, если бы не я. А еще, когда я на десять минут оставила вас, чтобы сбежать в магазин, ты уснул, и Костя включил плиту! Я бы не расстроилась, если бы наша квартира сгорела вместе с тобой, лишь бы Костя остался жив. Тебе всегда было плевать на сына. А когда Костя сказал тебе, что у него болит живот, ты проигнорировал его слова, сказал, что завтра все пройдет, помнишь? Помнишь, что из этого вышло? Ты помнишь, чертов говнюк? Я вызывала скорую!

Даню трясло.

Да, он помнил. Она вытащила на поверхность все, ничего не забыла.

Он не претендовал на роль лучшего отца, но оказалось, что он был не просто *не лучшим отцом*, но даже худшим. Его неотесанность, его безответственность могли бы погубить их сына. И если бы не Катя...

Теперь некому защитить нашего Костика.

В ее голосе появились нотки жалости, она плакала, плакала мертвыми слезами, плакала отрубленной головой. Даня отчетливо видел эту голову в свете тусклого фонаря. И она говорила, повернутая к нему затылком.

Он не видел ее губ и глаз, но если бы увидел, как они шевелятся, то сошел бы с ума.

– Я... – сказал он, а потом вдруг осознал ужас происходящего. Он стоит в темном лесу и говорит с отрубленной головой жены. А что он, собственно, собирался ей сказать?

«Я, я, я»... Только и знаешь ты, что говорить о себе. Ты всегда говорил только о себе. Я устал, я хочу спать, не мешайте, я читаю, я не хочу, я не пойду, я лучше так, я лучше тут... Да пошел ты на хер, эгоистичный мудака! Оставайся один! Ты нам не нужен! Ты не нужен ни мне, ни Косте. Мы уходим от тебя. Я подаю на развод. Слышишь меня, козел? Я ухожу. И Костя будет жить со мной.

Он прикусил губу. Мало ей было умереть, так она еще и бросала его.

– Катя... – сказал он, но не смог продолжить. А что он мог сказать? «Не уходи?» «Я исправлюсь?» Вряд ли это бы помогло.

Я изменяла тебе, сказала она, изменяла с Сергеем, помнишь его? Тот самый, что помогал мне с курсами по ораторскому мастерству. Он хорошо меня поднатаскал в оральном мастерстве, уж поверь. Он приезжал, когда ты был на работе. И он был настоящим виртуозом. Он делал со мной такие штуки, которые у тебя бы и не получились – физической подготовки должной нет. Тебе до него далеко. И знаешь, я даже рада, что умерла, ведь теперь мне не придется терпеть такого нытика, как ты. Тем более, мне кажется, что ты умер намного раньше меня. Сдох, но даже не заметил этого.

– Нет, – сказал Даня, а потом заорал что есть силы: – НЕТ! Заткнись, сука! Заткнись!

Его прорвало. Он не мог больше сдержаться. Он заорал, заревел. Горе хлынуло потоком, как в каюты «Титаника». Он бросился к ней и схватил ее за волосы. Она захохотала.

Дэни, Дэни, Дэни-бой, не возьму тебя с собой.

Ты говнюк, а не отец, отсоси-ка мне конец.

Он бросил ее голову в темноту, попал в ближайшее дерево, и голова отскочила обратно к пню со смачным хрустом. Она упала, и Даня увидел ее мертвое лицо. Оно уставилось на него белыми пустыми глазами. Зрачков не было. А может, они были, но побелели. Даня не мог различить их. Язык распух и торчал наружу, кожа была цвета мела. В носу торчали длинные волосы. И они шевелились. Нет, это были какие-то насекомые. Сороконожки!

Голова молчала. Она просто застыла с мертвой маской на лице и с презрением смотрела на горе-мужа.

А смех звучал и дальше. Только смеялась не голова. Смеялся кто-то в лесу.

Кто-то справа.

Но Даня не мог оторвать взгляда от лица жены.

Вот теперь, только теперь он осознал до конца все, что произошло. Осознал только тогда, когда увидел ее лицо. Тело ничего не значило. Конечно, без него жить нельзя. Но тело – это всего лишь тело. Лицо – вот настоящее доказательство.

Он не узнавал ее. Он понимал, что это Катя. Он видел ее сережки, родинку на щеке, ее морщинки на лбу от ее хмуток, видел дырку в брови, где она когда-то носила пирсинг, еще до работы в банке, но он все равно не узнавал ее. Смерть сделала ее другой.

И тут кто-то коснулся его плеча.

Даня не сразу осознал, что кто-то тронул его. Он продолжал смотреть на мертвую Катю и думать о том, что жизнь на этом эпизоде подошла к своему финалу.

Она сказала, что Костя ушел вместе с ней. Костя покинул его. Означало ли это, что он мертв? Если да, то ради чего же ему тогда жить? Ну уж точно не ради сердечной боли, которая теперь будет с ним до конца дней. Он чувствовал ее. Она присутствовала в этом физическом мире, как черви в глазах трупа, как сок в желудке, как ногти на руках, как моча в пузыре. Так и боль плескалась в его груди, сжимая ее мертвой хваткой, стальными прутьями обвила его сердце. От боли он даже согнулся.

И только после этого понял, что уже продолжительное время на его плече лежит чья-то рука.

Он медленно повернулся.

Костя не помнил, откуда у него Пуппа и Наг, и также он не помнил, кто придумал им эти имена. Сколько малыш помнил себя, столько помнил и своих подопечных Пуппу и Нага. Возможно, их купил ему папа, как и все остальные игрушки – корабли для ванной, джип с открывающимися дверями, лазерные пистолеты со звуком и другие. Просто Костя был тогда еще мал и забыл об этом.

Наг и Пуппа были для него как вечно ссорящиеся братья-сорванцы.

Пуппа стремился стать хозяином в детской комнате, подчинить все игрушки себе, а Наг, наоборот, пытался свергнуть тиранию старшего брата и дать свободу всем.

Они неустанно вели сражения, и Наг обычно проигрывал, эти проигрыши давались ему тяжелой ценой.

Костя жалел Нага. Он много раз пытался прекратить драки, пытался остановить неугомонных братьев, но те продолжали вступать в баталии и споры.

А что Костя мог сделать? Что мог сделать трехлетний ребенок, когда опытный солдат, прошедший сотни сражений, взявший тысячи крепостей, и робот, созданный научной лабораторией с использованием самых передовых технологий, пытались выяснить отношения между собой? Пуппа и Наг уже взрослые, они повидали жизнь. Костя им был не указ.

Однажды Костя оставил Пуппу в садике, чтобы они не ссорились. Но тот появился вечером дома, и все вернулось в прежнее русло.

Где бы Костя ни оставлял Нага или Пуппу, они приходили домой сами. Они знали дорогу в его детскую. Поэтому Косте оставалось только ждать развязки войны между солдатом и роботом.

И Косте казалось, что Наг проиграет.

Робот уже лишился многих своих частей тела. Самым страшным ранением для него была потеря глаза.

Но внезапно ситуация изменилась.

Наг все же одержал победу. Она далась ему нелегко. Но это разозлило Пуппу еще больше, и он кое-что сказал Косте. Малыш так и не понял смысла слов.

Пуппа сказал что-то про «*отомицу*».

Что это за *отомица* такая? Костя не знал. Он надеялся, что она не была такой злой, как сам Пуппа, но на всякий случай решил держать солдата рядом с собой, чтобы не допустить его выходок. Но Пуппа после поражения стал сбегать от Кости.

Когда они ехали в машине и Костя уснул, Пуппа спрятался в детской комнате и наверняка что-то там обдумывал. А потом, когда они с мамой гуляли, он убежал. Костя не смог его остановить и хотел попросить маму, чтобы она ему помогла. Но мама его не слушала.

– Костя, сколько раз я говорила тебе, не разбрасывай своих солдатиков по дому! Прибирай за собой игрушки! – говорила мама.

Она не любила Пуппу. Она сразу поняла, что тот плохой.

Косте сначала казалось, что Пуппа – славный парень. Всегда смеется, всегда шутит. И Пуппа разрешал делать пакости. Правда, после этих пакостей всегда было больно и обидно. А после происшествия с той крутящейся штукой, после чего на кухне пахло дымом, Костя понял, что нужно быть аккуратней с Пуппиными играми. Но ведь поначалу они не были такими опасными.

Раньше Пуппа помогал Косте.

Он проучил Мотю, который толкнул Костю на разминке в детском саду. После этого Мотя упал с качелей, а когда поднимался, то качеля прилетела ему в лоб, и он уехал из детского сада на машине с мигалками.

Пуппа подстроил это для Кости. Потому что Костя не любил Мотю, тот вечно всех задирал и постоянно отбирал у детей игрушки.

Потом была Дашка, которая назвала Костю плаксой. Тогда Пуппа спрятал ее любимое колечко, которое подарила ей бабушка. И Дашка ушла из детского сада в слезах, которые не в силах были остановить даже леденцы, которые обычно могли успокоить любого нюню.

Наг был другим, он был хорошим.

Наг подсказывал Косте, где лежали его потерянные игрушки или вещи, он подсказывал, когда Костя надевал колготки задом наперед, он отгонял от Кости дворовых собак, потому что знал, как малыш их боится. Он рассказывал на ночь хорошие сказки, когда маме было некогда или у папы болела голова. Он сдерживал Пуппу, когда тот хотел сломать новую игрушку Кости. Наг был добрым роботом. И с каждым днем Костя все больше любил Нага и все меньше – Пуппу. Но боялся, что Пуппа обидится и сделает ему плохо, если он бросит его. Или сделает что-нибудь с его мамой.

Однажды Пуппа говорил об этом. Он знал, что мама его не любит. Знал, что она сразу поняла, что к чему. Она видела Пуппу насквозь. А Костя нет. Но теперь мама заболела. И ей нужен был доктор.

Пуппа все же смог сделать твоей маме плохо, и тебе тоже.

Костя услышал знакомый голос. Этот голос успокаивал. Этот голос принадлежал родному человеку.

Мамочке плохо. Я должен позвать доктора. Он сделает ей голову.

Костя, чтобы помочь своей маме, ты должен сначала помочь себе. Ты помнишь, где ты? Меня украл дядя.

Да, правильно. Ты в его машине. Но ты можешь отсюда сбежать.

Как?

Просто повторяй за мной.

Хорошо.

Повторяй все, что я говорю. Готов?

Да.

Николай.

Николай.

Валерьевич.

Валерьевич.

Буйнов.

Буйнов.

Николай Валерьевич Буйнов.

Николай Валерьевич Буйнов.

Буй.

Буй.

15 сентября 1981 года.

Костя повторил.

Голос попросил повторить еще раз, и малыш сделал.

Водитель грузовика с открытым ртом смотрел на мальчика, который лежал на заднем сиденье связанный, с платком на глазах, и произносил его имя, школьное прозвище и дату рождения. Будто читал из книги! Как мантру, как заклинание, как проклятие!

И кровь в Колиных жилах остановилась. Его глаза так сильно полезли на лоб, что он испугался, как бы они не выпали на пол кабины. Как же ему тогда вести грузовик?

Он начал судорожно осматривать салон грузовика в поисках какой-нибудь записки с его именем и датой рождения. Потом он подумал – *какого хрена?* Разве пацан умеет читать? Ему же два или три года! Да он же говорит кое-как!

А тебя не смущает, что он в повязке?

Коля еще раз посмотрел на парня. Убедился, что повязка по-прежнему закрывает глаза. Может, платок просвечивает?

Ты че, дурак?

Может, платок сполз, и парень видит в маленькую щелку? Может, в нем дырка?

Нет! Никакой дырки! Этот пацан тебя знает! Знает твой год рождения! Знает твое погоняло!

Что происходит? Что происходит, мать твою? Как такое возможно? Он что, гребанный экстрасенс? Он что, провидец? Это что, копперфильдский отпрыск?

Идиотский смешок слетел с губ. Но губы тут же скривились.

Пацан только твой адрес не говорит.

– Класнодаская, дом шешнасть, втолой подезд, квалтила двасать девять, тлений этас.

На этот раз Коля смотрел на парня так долго, что даже забыл о дороге. Ужас накатывал на него огромным стопятидесятитонным катком, который давил его в лепешку, кровь прилила к лицу.

Грузовик съехал на обочину, и Коля почувствовал, как машину начало трясти.

Тормози, брат! Тормози.

Коля ударил по тормозам. А малыш все повторял свою зловещую мантру:

– Никала Валельевись Буйнов, Буй, пятнасотое сентябля тыся девясот восемесят пелвово года, Класнодаская, дом шешнасть, втолой подезд, квалтила двасать девять, тлений этас.

Голос малыша напоминал монотонный счет мешков в амбаре с зерном. *Один, два, три, четыре, эх, достало, пять, шесть, семь...*

Грузовик остановился. Коля вытер пот со лба.

Как же он потел. Стало так жарко, как у него дома, когда его тупая жена закрывала все форточки и при этом вечно ныла, что продует Сашку – их дочь. После смерти младшенькой

она стала бояться всяких болячек. Тупая сука сама не подозревала, что только хуже делала. Бациллы в духоте развивались, как шлюхи в теплых странах. Коля орал на нее, потому что ему было жарко и душно.

Но сейчас было еще хуже.

Стало нестерпимо жарко.

И малыш этот добавлял угля в топку, он все бросал и бросал, он все лепетал и лепетал кошмарные слова. Досье на Колю. И Коля, впервые с того момента, когда его взяли с наркотой в девяносто восьмом, когда ему еще не было восемнадцати лет, запаниковал по-настоящему. Тогда ему удалось отмазаться. Спасибо дяде Тарасу, который откинул копыта через полгода. Рак легких, курил, как дымоход в котельной. Но сейчас Коля был на крючке.

Он с ужасом смотрел на малыша, который, похоже, намочил штаны, и Коля понял, откуда пахло мочой.

Ты его впервые видишь, а он все про тебя знает. Кажется, он знает тебя лучше, чем родного бату. Хотя, может, у него и бати-то нет. Ведь он тут был один со своей мамашей. А ты знаешь, что это значит для тебя.

Он проглотил горькую слюну. Хотелось пить.

Что это значит?

Ты должен избавиться от пацана.

Убить, что ли?

Ну, хрен знает. Какие еще варианты есть? Отправь его в космос или посади на подводную лодку и опусти в Марианскую впадину, можешь на необитаемый остров увезти. Я не знаю! А ты сам как думаешь?

Нет, я не буду убивать пацана. Я не убийца. Та баба... Это была случайность. И я не убивал ее. Она как-то сама подстроила. Волишебница хренова. Но пацана я не убью. Бог не простит мне. Я не возьму грех на душу.

Малыш все шептал и шептал. Время шло. Коля начал чесаться. Руки нестерпимо зудели. Жопа тоже. Жопа особенно. Будто он не мыл ее уже два года. Черт, вот это его пробрало. Будто сел на муравейник.

Нервы, нервы. Надо бы выпить какое-нибудь успокоительное. Например, пива.

Но пиво кончилось. Последняя бутылка валялась на полу, пиво вылилось на резиновый коврик и воняло на весь салон. Коля не помнил, когда он уронил бутылку. Может, когда мама пацана начала устраивать забеги на дороге?

Я не убью его.

Но избавиться все же надо.

Тогда я оставлю его в лесу.

Допустим, он оставит его и уедет. Так он не убьет мальчика. Предоставит судьбе право выбора. Если Богу угодно, он его спасет. Правда, тогда Коле капздец.

А может, и нет.

Малыш напуган, он потерялся, он бредит, говорит какие-то имена. С кем не бывает? Ну найдут его легавые, ну услышат, что он лопочет, потом спросят у меня, откуда пацан знает мое погоняло. А мне почему знать? Скажу, что не знаю. Может, он экстрасенс какой-то. Может, посмотрелся «Битвы экстрасенсов» и погнал читать мысли. Все дети так делают.

Опасно. Особенно если фараоны начнут шустрить и вынюхивать. Тебя наверняка видели на заправке около поворота на эту дорогу. Свидетели всегда найдутся. Так что ты ходишь по тонкой тростиночке, Коля.

Все равно я не буду его убивать. Просто оставлю в лесу.

– Оставлю, – сказал Коля.

Он прикусил губу.

Черт, до чего жалко пацана. Но его, Колю, еще жальче. Ведь у него двое детей, тупая жена, жирная любовница, а может, еще и третий ребенок скоро будет.

И кто все это хозяйство будет содержать? Этот пацан? Вряд ли. Вопрос стоит так: либо этот малыш, либо трое Колиных детей.

Коля осознал: он готов согласиться, чтобы Натаха рожала ребенка, лишь бы не попасть в тюрьму. Лучше он будет кормить троих, чем сядет за все эти мутные дела на пустынной дороге.

– Прости, парень, прости меня.

Коля перекрестился, чего не делал уже очень давно, с самого детства, когда бабушка водила его в церковь. И почему он покинул Бога? А если бы не покинул, наверняка такого бы с ним никогда не случилось. Это было испытание. Точно. Испытание веры.

– Прости меня, Господи. Я пытаюсь принять правильное решение.

Он вылез из грузовика, открыл дверь со стороны пассажира, забрался в кабину, отцепил ремень безопасности и взял пацана на руки. Тот был как куколка бабочки. Говорящая куколка, шепчущая имя и адрес Коли.

Коля спустился и пошел в лес. Огляделся по сторонам.

Невероятно, как же сегодня тихо на этой дороге. Обычно он встречал тут хотя бы две или три машины. Но сегодня – только одну. И все. Как будто весь мир вымер. Или остановился и наблюдает за ним. Будто это какое-то испытание. И сейчас все зрители ждут, что он сделает. Правильный или неправильный ход? Как будто это какое-то странное телешоу! Какая-то игра!

– Да пошли вы все на хер, – сказал Коля тихо.

Он вошел в лес. Он брел вперед, слушая шепот мальчика на руках, шел и старался не думать ни о чем. Он принял решение. Он знал, что выхода нет. Теперь нужно постараться жить с этим. И чтобы замолить грехи, он должен сходить в церковь. Он должен оставить ребенка Натахи. Он должен измениться. Он должен искупить этот эпизод.

Коля посадил малыша под деревом. Он прошел, наверное, метров триста от дороги.

И что дальше? Ведь мальчик может встать и вернуться обратно.

Не дойдет, если я его не развяжу.

Ты же понимаешь, что если его найдут связанным, то будет много вопросов. На тебя повесят еще и убийство пацана. А если ты его развяжешь, то он выйдет на дорогу, его заметит какой-нибудь деревенщина, возвращающийся из города, подберет. И подивится тому, что мальчик лепечет чье-то имя. Думаешь, запомнит? Или запишет? А?

Я не буду убивать его.

Давай будем хладнокровными, Коля. Ты не хочешь замарать свои уже окровавленные руки. Я тебя понимаю. Но какие еще варианты? Либо ты избавляешься от парня, либо он от тебя.

Нет. Никто не поверит ему.

Ладно, хочешь проверить — проверь. Пришлю тебе открытку на зону.

Коля смотрел на малыша под деревом. Связанного малыша, шептавшего имя, прозвище, адрес Коли. Малыш с повязкой на глазах, прижимающийся привязанными руками к груди какую-то игрушку.

Это какая-то дичь. Какие-то чудеса.

Коля. Ты же помнишь, что говорила тебе бабушка в детстве? Лукавый поджидает тебя везде. Он ждет, когда можно поймать тебя в свои сети.

А помнишь, она рассказывала тебе про ведьму, что жила в их деревне еще до войны? Как ведьма могла узнавать о людях многое по их лицу, как читала по глазам и губам. Как она могла накликать беду. Помнишь, как она спалила всю деревню дотла? Как она погубила всю семью твоей бабушки, и только она одна осталась.

Тебе никого не напоминает эта ведьма?

Помнишь, бабушка говорила, что однажды она встретила ее, собирая грибы в лесу, и та сказала, сколько грибочков было в ее корзинке. Бабушка чуть не упала на месте от испуга.

И что дальше?

Ведьма сказала, что брат бабушки умрет от кашля. И он и правда умер.

Думаешь, старуха просто предсказала смерть брата?

Нет! Она ее накликала! Она ее призвала!

Она же ненавидела всех в этой деревне.

И правильно сделали жители, что после пожара собрались и повесили ведьму. Они избавили мир от зла.

А этот мальчик... Разве это нормально, что он знает о тебе все? Он знает, сколько грибов в твоей корзинке.

Подумай об этом и о своем будущем. Подумай о бабушкином брате и о своей семье.

Коля уставился на малыша, и его руки потянулись к Косте. Руки дрожали.

Через несколько минут Коля вышел из леса, посмотрел по сторонам, забрался в кабину грузовика и выжал газ.

Снова улелепывал.

Интересно, сколько машин проехало мимо, пока ты делал свое грязное дело? А? Наверняка тебя кто-то уже увидел.

– Будь что будет, – сказал Коля и коротко помолился.

Даня поворачивался, а в голове у него, как приводной механизм, скрипели мысли.

Его застали врасплох. Пока он упивался горем, маньяк настиг его.

Сейчас Даня повернется и почувствует холодное лезвие мачете или какого-нибудь мясницкого ножа. И он отправится вслед за женой, вслед за Костей.

Но как он мог говорить с женой на том свете? После того, что она сказала ему. После всех этих ужасов! Он потерял не только семью сегодня, но и уважение к себе. Он потерял все. Спокойствие, рассудок, счастье.

Все же смерть – лучший выход. Жизнь теперь ничего не стоит. Ничего!

И пусть я лучше умру, чем до конца своих дней проживу с осознанием, что я натворил, что я наделал.

Когда он повернул голову, фонарик потух. Вот уже несколько последних минут телефон попискивал, предупреждая, что израсходовал весь запас энергии. Даня не слышал писка. У него тут были дела поинтереснее, чем разговаривать с телефоном. Фонарик потух, и Даня в полной темноте уставился на того, кто стоял рядом с ним. Он был того же роста, что и Даня. Он продолжал держать руку на его плече.

Это она, пронеслось в голове, это Катя пришла за мной. Она стоит передо мной без головы, скрытая темнотой. Сейчас она сожмет мое плечо, а потом... Она сделает со мной то, что нужно. Пусть делает.

Даня выронил телефон. Он хотел встать перед ней на колени, попросить прощения и отдать свою жизнь. Но тут он осознал, что он и так упирается коленями в землю. И с какого момента он встал в эту позу, он не помнил. А это значило, что тот, кто стоял перед ним, был ниже его ростом, примерно ему по пояс.

– Папись, – раздался детский голосок, – папись, мне стласно.

Дане как будто дали под дых. Такого жалобного голоса он никогда не слышал от Кости. Несчастный, напуганный голос. И во всем этом виноват Даня. Он довел сына. Надо исправляться. Спасать малыша. Папа должен его защитить.

Даня не просто оживился, но получил мощный удар адреналина. Он очнулся от тех ужасов, что тут произошли. Он отбросил все страхи и кошмары в дальний угол.

Он схватил сына, притянул к себе и обнял. Да, это был его Костик. Плачущий и говорящий, что ему страшно.

– Костя, ты как? Малыш мой, я искал тебя повсюду! Куда же ты ушел, мой дружок?

– Я сплятался. Папись, мне стласно. Осень.

– Не бойся. Я тут, я теперь рядом. Никуда тебя не отпущу.

– Папись, давай уедем осюда. Тут кто-то есть в лесу.

Даня ощутил ледяную руку ужаса, скользнувшую ему под футболку. Снова кошмар. На этот раз он передался ему от сына.

Конечно, тут кто-то был. Возможно, как раз сейчас он наблюдал за ними из темноты.

– Да, сынок, пойдём.

Даня сгреб сына в охапку, как сокровище, поднялся на ноги и пошел прочь. Телефон свой искать он не стал.

Они добрались до машины через полчаса.

Даня нес сына на руках через все поле. Он больше не боялся того, кто прятался в траве. Теперь сын был с ним. Теперь он уже не боялся никого. С сыном на руках он чувствовал себя уверенным. В какой-то момент жизнь повернулась к нему задом и выпустила газы в лицо. Но он проявил стойкость, и жизнь – снова его подруга. Да, не совсем полноценная, инвалид, без глаза и ноги (*как Наг*), но ему хватит и такой.

Главное, что у него остался сын.

Сын жив! Он с ним!

Катя обманула его. Сказала, что Костя ушел вместе с ней. Но сын не захотел уходить от папы, он остался. Катя обманула. А это означало, что она могла обмануть и во всем остальном.

И действительно, с чего Даня взял, что он плохой отец?

Разве это не он спал с Костей, когда малыш болел? Разве не он подставлял тазик, когда Костю тошнило? Разве не он мыл маленькую жопку каждый раз, когда Костя ходил на горшок не очень хорошо? Он умудрялся измазаться так, что приходилось мыть чуть ли не голову. А Катя брезговала. Он помнил, как она вручала ему Костю и говорила: «*Твоя очередь*». Но какая, нахрен, *очередь*? Ведь он мыл сына всегда, если не был на работе. Никакой очереди тут не было. Катя была обманщицей.

Хотя нет, не обманщицей. Она была просто плоско мыслящей. Она говорила правду. Но она говорила только выборочную правду. И из пирамиды можно сделать треугольник, если посмотреть на нее сбоку. На самом же деле пирамида имеет больше углов, чем треугольник. Как и ситуация с Даней.

Он действительно был во многом безалаберным отцом, но не потому, что слыл раздолбаем, и не потому, что наплевал на сына и не хотел брать на себя ответственность. Все не так. Просто его голова так устроена, что ему трудно удержать свое внимание на реальных вещах. Фокус его сознания то и дело устремлялся внутрь. В глубокий мир фантазий. Иногда он впадал в ступор и видел выдуманные картины наяву. Такое происходило с ним довольно часто. Он заставлял себя сосредотачиваться на людях и их словах, но ничего с собой не мог поделаться и иногда все же срывался и улетал в облака.

Он даже не замечал этого.

Он задумался и провалился в сон в тот вечер. Буквально на секунду закрыл глаза, а Костя – маленький проказник – уже смотался на кухню. Даня был в отключке всего одну минуту! Потом его разбудил запах дыма.

А что насчет той жидкости для краски? Ведь Даня поставил ее на холодильник, так высоко, чтобы не достал Костя. Но он не учел, что холодильник вибрировал, когда работал. Старый у них был холодильник. Тот начал дрожать, и баночка с химикатом съехала к краю, а потом и вовсе грохнулась на пол. Катя в этот момент была в туалете, и дежурство нес Даня, который, как обычно, отвлекся на свои мысли и попросту не услышал звук в коридоре.

Но Костя услышал стук баночки об пол и пошел проверить, что там такое. Нашел баночку, которую Даня до этого откупорил, чтобы посмотреть, что из себя представляет эта воняющая хрень.

Катя вышла из туалета и увидела, как Костя тянет губки к горлышку банки.

Скорее всего, Костя даже и не успел отхлебнуть.

Даня в этот момент появился в коридоре – искал сына. Он рванулся раньше жены и забрал у Кости пузырек.

Конечно, Катя завизжала, схватила Костю, побежала в ванную, стала толкать ему пальцы в рот, чтобы его стошнило. Костя плакал, кричал и вырывался, а Катя шептала малышу успокаивающие слова, что надо потерпеть.

Даня смотрел на них затаив дыхание, в ожидании бури! В ожидании беды!

Они сразу поехали в больницу. Катя не смотрела на Даню. Вообще его не замечала. И это было даже хуже, чем если бы она накричала на него.

Врач сказал, что никаких проблем нет, но они все-таки заставили Костю проглотить трубку с камерой на конце. Все обошлось.

А что насчет живота?

Так там вообще смешная история. Потому что ничего страшного не произошло.

У Кости болел живот. И когда Катя совсем отчаялась, она вызвала скорую. Врачи приехали и сказали, что у малыша запор. Просто он мало пьет воды. И ему нужно много пить, чтобы хорошо сходить в туалет. Они посоветовали сварить кисель из слив.

Удивительно то, что через десять минут после отъезда медиков Костя сходил в туалет, и все у него прошло. Даня бы смеялся, если бы не лицо Кати. Она злилась на него за проблемы с Костиными какашками. Она считала, что это Даня виноват. Он постоянно кормил сына макаронами. Разве это еда? Но Костя любил макароны, и Даня тоже. Почему же им нельзя было их есть? Просто нужно было пить воду. Теперь-то они знали.

Даня не был плохим отцом.

Ничего подобного.

И уж точно он не был хуже Кати!

Он возвращался поездом из недельной командировки. Когда до города оставалось полчаса, позвонила Катя. Было два часа ночи, и Даня удивился, почему она не спит.

Он поднял трубку и услышал ее плач.

Она сказала, что они с Костей спали вместе на диване, и ночью она проснулась от громкого стука и крика. Костя упал с дивана и ударился головой. У него вылезла огромная шишка. Он очень долго кричал, и она не могла его успокоить.

А потом он внезапно замолчал. Как будто потерял сознание. Она так перепугалась, что начала читать статьи в Интернете про падения младенцев и про травмы головы. И прочитала, что у малышей может возникнуть множество проблем от слепоты до внутричерепной травмы, а некоторые дети спустя какое-то время даже умирали.

Катя плакала в трубку и спрашивала, что ей делать. Даня так разволновался, что дышать стало тяжело. Он сказал Кате, чтобы она вызвала такси и везла Костю в больницу. Не звонила

в скорую, которая сначала должна приехать, а потом увезти их в больницу. Нет, она должна сразу вызвать такси. Мы живем в век, когда такси приезжает раньше скорой помощи.

Он сказал ей, что приедет, как только сойдет с поезда.

Потом поезд задержался около города минут на пятнадцать. Проводница сказала, что они пропускают другой поезд. Даня не мог спокойно смотреть на вид разукрашенных гаражей за окном. Его мутило от страха. Он ходил туда-сюда по вагону, видя в голове ужасную картину, как его маленький шестимесячный сын умирает где-то там на руках его жены. Он ждал от нее звонка, эсэмэс, хоть какой-нибудь новости. Он не звонил сам, потому что знал, что может позвонить не вовремя.

Спустя тысячу лет они наконец прибыли на вокзал.

И тогда позвонила Катя. Она сказала, что их оставляют в больнице до утра. Что нужно сделать снимок. Врачи сказали, что череп цел, но снимок покажет все, что скрыто. Еще она сказала, что ее поселили в хорошую палату и чтобы он приехал утром, потому что сейчас его не пустят к ним.

Разве она не делала ошибок? Ведь и за ней числились косяки.

Да, они оба хороши. Но это не значило, что они были плохими родителями. Они просто не идеальные. А из детей, которые в детстве прошли через огонь, воду и медные трубы, вырастают сильные личности.

Правда. Даня не знал, как на Косте скажется смерть матери.

Я сделаю все, чтобы исправить положение, если что-то пойдет не так. Найму психологов, найму врачей, обследую его. Я все сделаю.

Даня посадил Костю в детское кресло. Застегнул ремень. Тот смотрел на папу большими глазами.

– Папись, уедем осюда? Я все есе боюсь. Позалуста.

– Да, Костик, уедем, да, – говорил Даня.

Он сел за руль и нажал на газ.

Его задержали около Уфы на следующий день. Полицейским даже не пришлось применять силу, потому что Даня не оказал сопротивления. Они получили ориентировку до обеда. В 12 часов вся область уже знала, кто им нужен.

Когда лейтенант, держа руку на кобуре, подошел к водительской двери минивэна, он заподозрил что-то неладное.

Даня будто бы его и не видел вовсе.

Он видел мир вокруг, но воспринимал его как-то иначе. Он вел машину, объезжал препятствия, уступал дорогу, соблюдал правила, среагировал на сирену полицейской машины. Но при разговоре с лейтенантом смотрел куда-то сквозь него. И лепетал себе под нос, будто разговаривал с кем-то, кто сидел с ним рядом. Что-то насчет отцовства, что-то про сына.

Лейтенант поверил в то, что водитель действительно сумасшедший, когда на просьбу выйти из машины тот обернулся к детскому креслу и сказал сыну, что сейчас вернется. У лейтенанта даже мурашки побежали по коже.

У мужика конкретно куку поехало. Похоже, пора вызывать другой наряд. Который ходит в белых халатах, подумал он.

Полицейские знали, куда направляется Даня. Они знали марку и номер машины.

Они связались с его братом Игорем. Они нашли мобильник в лесу и голову Кати. Даже слепому стало ясно, что парень сошел с ума и убил свою семью.

«Спятил от ревности». Так сказала мамаша Кати, пролив немало слез.

Потом, когда распутывали дело, она рассказала подробнее, как он кидался на ее бедную несчастную Катю, как пытался задушить ее, как издевался над сыном. Она ожидала от него чего-то подобного. И предупреждала свою дочь о последствиях. И Катя обещала, что бросит мужа. Видимо, она выбрала неудачный момент, чтобы сообщить ему об этом.

– Сейчас поедем, сынок, я быстро, – сказал Даня. – Скоро мы будем на море. Ты хочешь на море?

– Да, папись, осень хосю! Осень!

Он весело хлопал в ладоши, и Даня был счастлив видеть его таким. У них все будет хорошо.

Даня вышел из минивэна и бросил взгляд в пустую кабину. А в детском кресле сидел пристегнутый ремнем безопасности подмигивающий игрушечный солдат.

Последние два года Коле не везло. Тот грузовик, на котором он отработал около пятнадцати лет, внезапно наелся. Движок полетел. Он пытался его починить, но все без толку.

Надо было покупать новый мотор.

Контора не могла позволить себе такие расходы. Они сказали ему подождать до лучших времен.

Теперь он работал на уазике, возил инженера по сельским магазинам.

Этот усатый хмырь чинил кондиционеры и холодильники. Ну и фрукт же он был. Вечно наезжал на Колю, когда тот доставал последнюю радость в жизни – сигарету.

Видите ли, у него одежда воняет. А трусы у него не воняют? Говнюк!

Коля ненавидел его. Но ничего не мог поделать. Работа есть работа.

Ткач больше не предлагал ему халтуру, хотя Коля у него пару раз выспрашивал. Но тот сделал вид, что и вовсе ни о каких доставках ничего не знает. Коля хотел было ему предъявить, что из-за него ему пришлось сделать кое-что плохое, но потом вовремя заткнул свой рот. Не хватало еще и этого.

Ткач запросто мог его сдать. Долбаный лысый хрен. Коля и так натерпелся кошмаров.

Сначала он думал, что и вовсе сойдет с ума.

Сколько он пережил бессонных ночей? Сколько часов совесть грызла его? Он даже скинул пару десятков килограмм. На него теперь было страшно смотреть. Не мужик, а шпага какая-то. Штаны стали велики, а купить новые он не мог. Все футболки висели на нем, как паруса, того и гляди надует ветром и унесет.

Коля все два года держал рот на замке. Никто ничего не знал. Он проглатывал все мысли, которые возвращали его в тот далекий день. Он давил любое желание поделиться с кем-либо, даже когда был пьян. Он старался забыть этот эпизод, будто его и не было. Что прошло, то прошло. Прошлое как говно – если засохло, то лучше его не ворошить.

После того страшного дня Коля все-таки предложил Натахе сделать аборт.

Он долго думал и решил, что не сможет искупить свою вину, если позволит родиться ребенку, а тот потом сдохнет с голода. И теперь по прошествии двух лет он был рад своему выбору, ведь денег стало еще меньше. Работы почти не было. А развозы инженера приносили копейки. Все загибалось.

Надо было искать какую-то движуху.

Основная доля вины лежала на Натахе. Это она разрушила его семью. Она не просто позвонила его супруге, как он боялся. Нет. Она приехала. Заявилась собственной персоной, пока он был на работе, к нему домой, привезла его трусы, бросила Колиной жене прямо в лицо. Смеялась, истерила. Но ребенка она не убила, не пошла на аборт. Оставила себе.

Коля тогда сказал жене, что, скорее всего, это даже не его ребенок.

Но дырявые Колины трусы жена простить не смогла. Она не ушла от него. Она его выгнала на улицу. И подала в суд.

Теперь приходилось платить алименты. Ловко вывернулась. Завела себе мужика, и теперь его Володька и Сашка ели жаренку со стола какого-то хмыря.

Как-то раз Коля взял пивка, залился как следует и пошел разбираться с этим кентом. И что вышло?

Вышло так, что кент оказался кандидатом в мастера по боксу. Он Колю спустил со второго этажа его бывшей квартиры, затем вывел во двор и объяснил на пальцах, а точнее на кулаках, что Коле нечего больше там ловить.

Коля пытался воздействовать на сына. Но и тут вышел промах. Сегодня они с Володькой виделись, Коля забрал его после работы, они сидели на скамейке и разговаривали. Коля курил, и сын попросил у него сигарету. Коля ему тут же влепил. Тот схватился за ухо, но не заревел. Просто посмотрел на отца со злостью. А потом сообщил ему, что дядя Валера хороший мужик, водит их в кино, покупает мороженое и поп-корн. Возит за город по выходным. И даже купил ему бумеранг.

Коля с удовольствием бы засунул этот бумеранг сыну в задницу, но тот его с собой не взял. Видимо, предусмотрел. Коля отправил Володьку домой, не сказав на прощание даже «пока».

Все его бросили. Сашка, дочурка, так вообще не хотела видеться с ним. Отказалась. Как и его бывшая жена.

Колю не радовала такая ситуация. Но что он мог сделать? Только отомстить Натахе.

Он не понимал, почему она так поступила. Он же предлагал ей деньги на аборт! Предлагал же? А она давай о каких-то биологических часах ему зачесывать, о своем здоровье. Да о каком она здоровье говорила вообще? У нее этого здоровья полная жопа! Она вон быка побороть могла. У нее здоровья на всю деревню хватило бы. Ну сделала бы себе мелкого с кем-нибудь другим. Коля же ей все объяснил. А она, дура, так и не поняла ни черта.

Пришлось ей двинуть разок.

Но он ведь не со всей силы. И не в живот. Хотя, может, стоило в живот. Чтобы сразу всех детей выбить из нее. Эх, не догадался сразу.

Сразу нет, зато потом это пришло ему на ум. И Коля, после того как Володька убежал домой, держась за опухшее ухо, поехал к Натахе. Взял еще пива, сел в рабочий уазик и покатил.

Интересно, сколько сейчас мелкому? Или это была девочка? Он не знал. Наверное, год, даже чуть больше. Так-то уже два года прошло с того дня, когда...

Когда он ехал по этой же самой дороге, груженный хламом под завязку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.